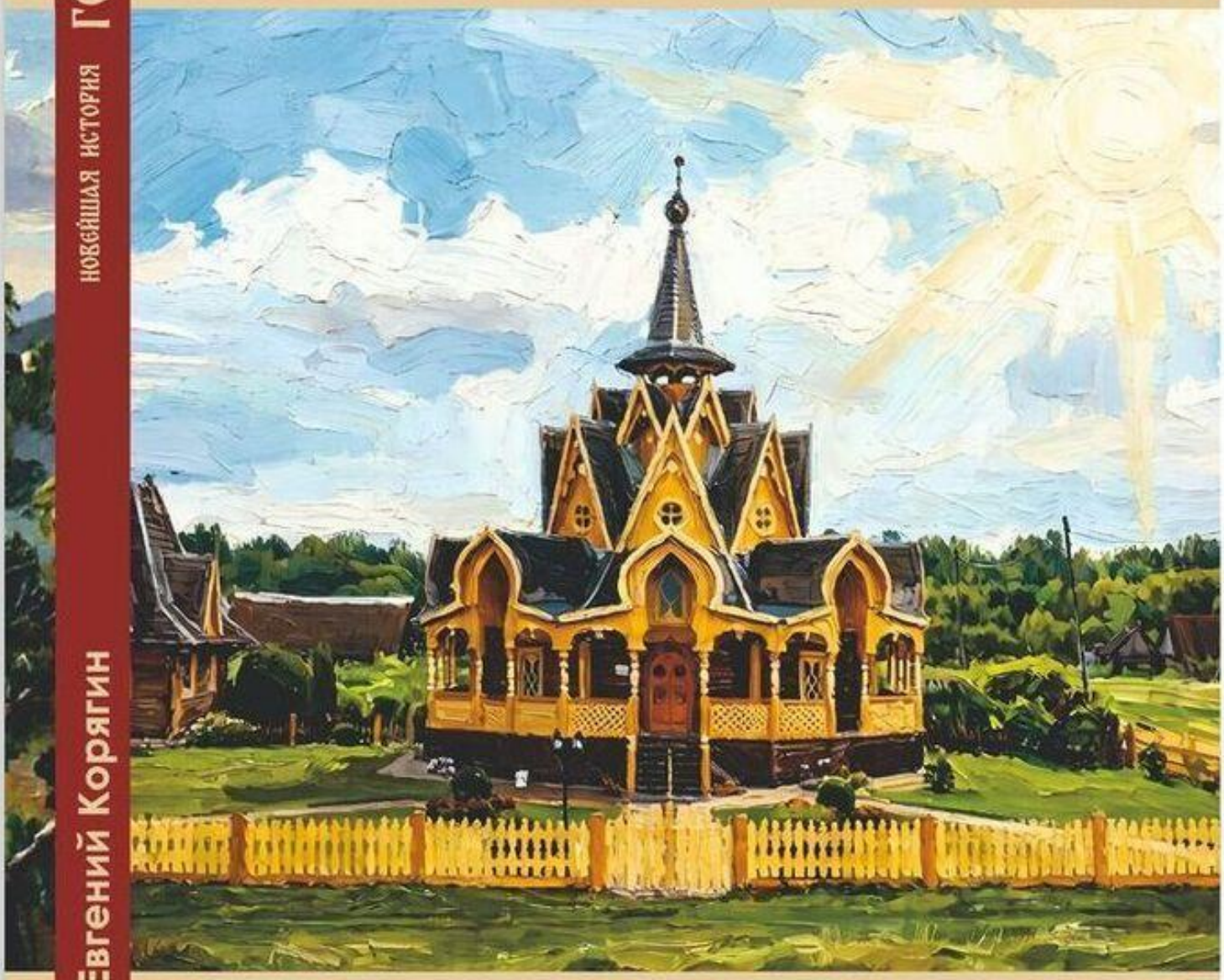
12+

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА СОЛНЦА

Евгений Корягин

2026

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА СОЛНЦА
Евгений Корягин

Евгений Корягин

Новейшая история Города Солнца. Рассказы

«Издательские решения»

Корягин Е.

Новейшая история Города Солнца. Рассказы / Е. Корягин — «Издательские решения»,

Дорогой читатель, на страницах этой книги тебя ждут героико-приключенческие, а порой иронично-юмористические истории, способные вызвать у тебя как искренний смех над забавными эпизодами, так и глубокие размышления о смысле жизни, о том, кто мы, и куда мы идём. Всё повествование основано на реальных событиях.

© Корягин Е.
© Издательские решения

Содержание

ЕВГЕНИЙ КОРЯГИН 6
Новейшая история Города Солнца 7
предисловиевие 7
Новейшая сибириада Города Солнца 8
Встреча 8
Ценный груз 9
Переезд 10
Часть первая 10
Часть вторая 11
Часть третья 12
Часть четвёртая 13
Часть пятая 13
Снегопад 16
Пионер 20
Часть первая. Первая тропа 20
Часть вторая. Первый дом 21
Трескучий мороз 24
Капитан 26
Бондарь 29
Часть первая. Бондарь 29
Часть вторая. О грибах 30
Небоскрёб 32
Экстрим поневоле 35
Мой Герой 40
Часть первая 40
Часть вторая 41
Часть третья 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Новейшая история Города Солнца
Рассказы

Евгений Корягин

© Евгений Корягин, 2026

ISBN 978-5-0070-9264-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЕВГЕНИЙ КОРЯГИН
РАССКАЗЫ

От всего сердца благодарю мою супругу Ирину за неизменную поддержку и глубокое понимание, за неоценимую помощь в работе как первого внимательного читателя и беспристрастного критика, а также мудрого и чуткого редактора.

Новейшая история Города Солнца

Жизненно важно создавать такие коллективы на основе истинного единства, где люди не опасаются друг друга и доверяют друг другу!

Время пришло!

Виссарион 01.09.2025г.

предисловиевие

Порой, негромкие уникальные события могут иметь эпохальный отклик в судьбе человечества. Один маленький невзрачный камертон способен настроить сложнейший инструмент. А один человек-дирижёр способен преломить, невпопад хаотично играющий оркестр и настроить коллектив на прекрасное звучание десятков инструментов. Небольшое общество в несколько тысяч человек способно показать пример праведной жизни миллионам и миллионам ищущих, миллионам, мечтающим о том, что есть другая жизнь-жизнь в любви, жизнь в добре, жизнь в истинной свободе, жизнь в творчестве и в служении друг другу.

Перед вами уникальное в своём роде историческое свидетельство, написанное в художественном стиле о первопроходцах, о первых строителях Города Солнца.

В середине девяностых годов прошлого века со всех уголков нашей необъятной Родины, а также ближнего и дальнего зарубежья в предгорье Восточных Саян, на юг Красноярского края потянулись первые переселенцы. Это были в основном жители крупных городов, представители культурной и научно-технической интеллигенции. Поменяв круто свою судьбу, они в жару и в холод, среди гнуса и комаров возводили Город Солнца, не философско-мифический, однажды данный как мечта человечеству Томмазо Капманеллой, а вполне реальный, с красивыми домами, с великолепными садами, с живописными парками и уютными скверами. Они закладывали основы новых общественных отношений, основанных на любви, уважении и бескорыстной помощи друг другу. Закладывалась основа бесконфликтного общества, общества живущего одной большой дружной семьёй, где такие понятия как война, коррупция, преступность канут в небытие.

Рассказы написаны на пересечении жанров художественного исторического свидетельства и духовно-философского нарратива, с элементами тёплой иронично-комедийной новеллы и документальной мемуаристики.

В книге представлены: статья доктора философских наук, профессора, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств Колчигина Сергея Юрьевича, публицистические статьи Вадима Редькина, Екатерины Палкиной, Евсея Грицука, а также краткий справочный материал об общине Единой Веры, а также произведения автора, не вошедшие в цикл «Новейшая сибириада Города Солнца».

В книге опубликованы Обращения духовного Учителя Виссариона: «Из эпохи в эпоху» и «Обращение к задумывающимся».

Новейшая сибириада Города Солнца

Встреча

Бывают в жизни такие минуты, можно назвать некими маленькими откровениями. Какое-то событие, встреча с человеком или просто некое созерцание красоты природы может поднять твой чувственный мир, твоё сознание на некую ступеньку, на некое более глубокое понимание реальности.

Несколько дней назад встретил одну давнишнюю знакомую. Казалось бы, банальная встреча в супермаркете в отделе, где стоят полки со всякими крупами. В 90-х ей было лет четырнадцать, она жила с родителями по соседству. Я с ней не виделся двадцать пять лет. Узнав друг друга, мы улыбнулись, задержались взглядами на несколько секунд, ничего не говоря, как будто бы сказали многое. Рядом стояла моя супруга, знакомая улыбнулась и кивнула ей.

Никакие слова не способны описать тот свет, который исходил от этой женщины. Это было что-то запредельное. Мы с супругой в течение нескольких дней обсуждали, какого уровня духовной чистоты надо достичь, чтобы быть таким лучом света. Чтобы в простой улыбке такую выразить любовь к людям, такое тепло души отдать…

Качество человека определяется его добротой. Критерий доброго человека заключается в том, что с ним просто приятно находиться рядом, его энергоинформационное поле излучает свет и благость, и люди улавливают эти волны. Не говоря уже об уровне святого человека.

Так вот, в магазине при встрече с этим человеком я ощутил, наверное, не такой уровень, но что-то близкое к этому. И больше всего захотел быть таким же светом для людей, всё остальное — второй план. Эта женщина невероятной силы духа. Её муж находится под арестом уже 5-й год ни за что; у неё ещё маленькие дети. А она несёт такой свет, такую любовь людям. Эта женщина — супруга моего духовного Учителя Виссариона, Соня.

март 2025г.

Ценный груз

При свете полной луны легко было различать кроны кедров от макушек пихт и ёлок. Тропа была видна, словно её освещали фонарём. Хотя был только вечер, казалось, что наступила глубокая ночь. Звёзды и луна словно соревновались друг с другом, кто даст больше света странным путникам, идущим в бескрайней тайге по зимнику, сковавшему болото.

Небольшие островки кустарника с деревьями сменялись открытыми полянами, куда летом не то что человек, но и зверь боялся ступить, в эту трясину, готовую поглотить всех и вся, кто посмеет потревожить покой этой стихии.

Лямки двухпудового рюкзака начинают уже давить на плечи, а компенсирующий пояс соскакивать с бёдер. Однако опытные путники, которым не раз доводилось преодолевать десятки километров по тайге с тяжёлыми рюкзаками, не чувствуют усталости.

Люди не торопятся (на то есть своя причина), размеренно ставя ногу, сохраняя равновесие с грузом за плечами, идя след в след за товарищем. Никто не издаёт ни звука, они идут в полнейшей тишине, и только хруст снега под ногами отстукивает свой ритм, нарушая покой девственной тайги.

Уже далеко позади остался уазик, который довёз их до последнего хутора, остались позади и воспоминания о тёплом уютном очаге, который ещё недавно согревал наших героев.

Они устремлены вперёд, то и дело поднимая голову и вглядываясь вдаль. Словно что-то невидимое ведёт их, как путеводная звезда. Они знают цель и понимают всю ответственность этого пути.

У них бесценный груз. Все сокровища мира не сравнятся с тем, что они несут. Их трое. Сменяя друг друга, они аккуратно, с невероятным трепетом передают груз напарнику.

Минутная остановка. «Я вижу свет в окне», — тихо произнёс один из них. Его друзья обратили свой взор туда, куда вела тропа. Теперь, они смогли разглядеть тусклый огонёк в окне дома, который стоял на вершине горы. Этот свет в окне придал им сил, не сказав ни слова, они продолжили свой путь, поправив рюкзаки и бережно прижимая к себе бесценный груз.

Оставался один час до цели. Огонь в ночи вёл их по глухой тайге. Болото сменилось лесом. Огромные многовековые кедры, как будто стражи, молча пропускали наших героев мимо себя и как будто провожали понимающими взглядами. Равнинная местность сменилась затяжными подъёмами. Чаще приходилось меняться и отдыхать. Но на лицах была приятная улыбка — они почти у цели

Передовая поочерёдно друг другу «груз», они с нежностью смотрели на маленькое создание, укутанное в меховой комбинезон, словно медвежонок. Они несли ребёнка. Она сладко спала. Девятимесячная девочка по имени Настя, не подозревала, как круто начинала меняться её судьба, став в это время приёмной дочерью великого мирового духовного Учителя современности.

P.S. Сейчас Анастасии 24 года, у неё семья, она сама мама. И, конечно, она не помнит свой путь, проделанный на руках трёх мужчин по заснеженной тайге при свете луны в дом, ставший ей родным.

Участники события, произошедшего в декабре 2000г. Саша Слугин (Ульяновский), Женя Колмыков, Женя Корягин и Анастасия Миклуш.

Переезд

Часть первая

В поросшем мхом пне что-то зашевелилось. Маленький зверёк со скоростью метеора юркнул вверх из расщелины, на полпути задержавшись на долю секунды. Оценив ситуацию вокруг, что ему ничего не угрожает, буквально взлетел на гладкое основание пня, кое-где уже черневшее от гнили. Полосатого бурундучка не смущал этот запах, в зубах он принёс небольшую еловую шишку. Усевшись поудобней на свои лапки, он начал трапезу, с удовольствием шелуша добычу, которую нашёл в расщелине этого старого пня. Перемалывая своими зубками маленькие еловые семена и, наверное, думая о том, что уж в следующий раз он найдёт кедровую шишку, орешки которой ни в какое сравнение не идут с этими семечками. Но вдруг обед прервался. Бурундук резко отложил шишку, встав на задние лапки, вытянулся и замер, пытаясь всеми своими чувствами понять, что происходит. Стоя как неподвижная статуя, он напрягал свой слух и зрение, которые не раз выручали его в минуты опасности. Нарастающий шум был совершенно незнаком нашему зверьку. То ли любопытство, то ли страх не давал ему сдвинуться с места. И только тогда, когда он увидел весь ужас, надвигающийся на него, он, позабыв про шишку, уже, наверное, не со скоростью метеора, а со скоростью света метнулся и побежал в противоположную сторону от «монстра», надвигающегося на него.

Возле его обеденного стола, этого замшелого пня, пролегала заброшенная дорога. Когда-то по ней возили лес лесозаготовители, сейчас она вся заросла, и было трудно понять, что здесь когда-то ездили гружёные лесовозы. И вот опять, спустя столько лет, тайга услышала, казалось бы, забытый рёв.

Протекторы шести колёс вминались весом почти 20-тонной машины в поросшие травой и папоротником, а где-то и кустарником забытые колеи. Словно огромная черепаха, трёхосный КрАЗ медленно полз по заросшей дороге, переваливаясь на кочках и ревя на небольших лужах своими 330-лошадинами силами. Лицо водителя было спокойным, можно было позавидовать его выдержке. Больше, наверное, переживал напарник, сидящий рядом. Перед большими лужами приходилось останавливаться, меряя их глубину и пробуя палкой дно. Казалось, машина не знала преград. Всё уверенней чувствовали себя двое в кабине

«Смотри, бурундук!» — крикнул удивлённо напарник. Сиганувшего с пенька полосатого зверька удалось увидеть с высокой кабины.

«Наверное, полпути проехали», — сказал водитель. Дорога всё чаще начинала петлять. Грузная машина еле вписывалась в повороты, задевая бортом стволы деревьев и ломая молодую поросль. Впереди показалась большая лужа. Водитель включил дифференциал и уверенно надавил на газ. «Проскочим, не такие проскакивали», -не успел договорить он. Машина встала посреди лужи. Он тут же судорожно переключил заднюю скорость, но было поздно. Прокручивались все шесть колёс. Машина ревела, тряслась, но ни сантиметра не сдвинулась. Отпустив газ и глубоко вздохнув, водитель почесал затылок. «Разматывай лебёдку», — спокойно сказал он напарнику. Если бы не болотные сапоги, выйти из кабины было бы невозможно. Машина села почти до середины колёс. Напарник вылез из кабины и почувствовал, что его ноги проваливаются во что-то вязкое. На дне лужи залегала большим слоем голубая глина, годами никем не потревоженная, вот и попалась машина в её объятия.

Многокилограммовый трос лебёдки резал плечо, но напарник дотянул его до ближайшей пихты, почти единственного большого дерева, расположенного впереди в пределах досягаемости троса. Лебёдка заработала, медленно накручивая на барабан витки. Трос натянулся, как тетива лука, и врезался в кору дерева. Машина вздрогнула, но вдруг послышался хруст. Дерево

не выдержало, многотонная машина стояла на месте, а огромная пихта начала крениться и, выкорчеванная с корнем, упала рядом с кабиной. Шум поваленного дерева разнёсся хлёстким эхом по тайге. Воцарилось молчание.

Часть вторая

Только двигатель на холостом ходу, один из всех присутствующих, не понимал, что произошло и продолжал размеренно тарахтеть. Пауза была недолгой. «Давай на эту попробуй», — сказал водитель своему товарищу, показав на пихту, по размерам почти такую же, что была только что повалена, раскидистые ветки которой касались земли, и уже единственную в радиусе досягаемости лебёдки. «Местность болотистая, корни неглубокие, поверхностные, опять вывернет с корнем», — сказал напарник. Но делать нечего. Это огромное дерево с мягкой неколючей хвоей, источающее приятный аромат от своей смолы, больше похожей на сок, было на данный момент последней надеждой, как соломинка для утопающих. Для огромного КрАЗа, может, и буквально. Зыбкие края лужи говорили о заболоченности местности. Неудачная предыдущая попытка, жертвой которой стало огромное дерево больше человеческого обхвата, вывернутое с корнем, говорила о том же. У пихты были поверхностные корни. Она стояла как плавун на болоте. Друзья это понимали, и в то же время осознавали, что это их последний шанс.

Привычно зацеплен трос, заработал двигатель, включился мотор лебёдки. Как будто механизмы понимали всю ответственность момента, как будто ещё медленней, размеренней и внимательней накручивался каждый виток троса на барабан лебёдки. Трос оторвался от земли, увлекая за собой грязь и жижу болотца. Крюк скользнул по металлу, затягивая петлю на стволе. Опять натянулась струна. Опять трос врезался в ствол. Опять сквозь кору потекла смола, источая душистый аромат. Многотонная машина дёрнулась, взревев всей своей мощью. Колёса прокрутились на месте. И… И опять тот же самый хруст. И опять с хлёстким эхом дерево упало рядом с выкорчеванной пихтой, верхушкой едва не задев кабину.

Водитель, заглушив мотор, вышел из кабины, сел на поваленное дерево, почесал затылок, вздохнул. Подошёл напарник, сел рядом. На этот раз молчанье затянулось.

Молодые парни, им было чуть больше двадцати пяти. Совсем недавно они жили в благоустроенных квартирах в большом городе, учились, работали, были перспективы, казалось бы, имели всё. Вот именно, что казалось. В нашей жизни порой всё кажется, а не есть. Сколько судеб, гоняющихся за призрачной мечтой жить как все и иметь хоть чуточку больше, чем ближний! И мало задаются, как никогда актуальным вопросом главного героя популярного романа Гончарова: ЗАЧЕМ? А ответив на этот вопрос, и ты узнаешь, КАК!

Грязь от глины быстро засохла на камуфляже. И почти стала незаметна, сливаясь с причудливым узором на ткани цвета хаки. Посмотрев на испачканную одежду, напарник водителя мимолётно вспомнил, как, некогда работая на заводе оператором, он носил белоснежную одежду: белые перчатки, белый капюшон, белые брюки, белый халат. Работая в гермозоне, в которую подавался специально отфильтрованный воздух, в которой соблюдалась идеальноая чистота (допускалось три пылинки на один кубический метр, это чище чем в операционной). Оборудование каждую смену протиралось спиртом, чтобы ни одна пылинка не попала на идеально отшлифованную, как зеркало, тонкую в миллиметр толщиной кремниевую пластину, которой предстояло пройти ещё 250 операций, прежде чем её разрежет лазерный луч на сотни микросхем.

Юноша еле сдержал улыбку, представляя себя в этой одежде здесь, за четыре с половиной тысячи километров от завода, на котором он работал, одного из ведущих заводов Советского Союза в микроэлектронной отрасли.

«Ну что, приехали? Ты это хотел сказать?» -спросил водитель своего друга. Его напарник, теперь уже не скрывая улыбки, рассказал о своём воспоминании и о фантазии. У них

были общие воспоминания. Друзья познакомились на этом заводе. Водитель КрАЗа работал наладчиком оборудования. Его работа хоть и не была столь белоснежна, как у оператора прецизионной фотолитографии, как у напарника, но уж точно не под стать водителю даже презентабельного лимузина. Поэтому он легко представил и себя в этой одежде здесь, в глухой тайге, на бездорожье, где до ближайшего города 200 километров, с многотонной машиной, по уши залегшей в болото. Улыбка коснулась его губ. Он усмехнулся, хихикнул, и дальше уже не мог сдержать смеха.

Сидя на стволе только что поваленного дерева, двое друзей громко смеялись. Уж этот звук обитателям леса точно не был знаком. Как будто какой-то груз спал с плеч. Стало даже легче дышать. «В деревне вроде есть Урал, надо идти за ним», — не совсем уверенно сказал водитель. «Да, другого выхода нет», — подтвердил напарник. Но оба понимали, что шансов 50 на 50. Нет точной информации об этом Урале, может, его и нет, а если есть, на ходу ли он, а если на ходу, есть ли солярка, а если есть солярка, есть ли водитель, вытянет ли Урал КрАЗа из болотца. В общем, очень много «если» набралось. Но делать нечего, решили пойти вдвоём обратно в деревню, 25 километров по уже проторенной колее. Захлопнув дверь кабины и пройдя уже несколько метров, оба встали и окинули взглядом машину, сидевшую брюхом в огромной луже, чуть наклонясь на бок. Стало почему-то тоскливо, как будто бросали огромное животное, оно беспомощное, оно зависит от этих двуногих маленьких созданий, оно не раз выручало их в трудную минуту. А сейчас оно остаётся совсем одно среди перепуганного леса, так недавно вздрагивавшего от рёва этой громадины.

Часть третья

«Стоп, подожди», -взгляд водителя что-то увидел. «Да ладно», — недоумённо посмотрел на него напарник. «Да», — оба теперь смотрели в одну точку. Раньше они не замечали этого или не обращали внимания. Когда ещё стояли рядом два дерева, две огромные пихты, которые повалила лебёдка КрАЗа, она терялась на фоне их и молодой поросли. Теперь же пространство оголилось, и взгляд отчётливо выделял её среди прочей растительности. Изящный изгиб придавал ей особую грацию. Казалось, солнышко и лёгкий ветерок играют с кроной этого дерева, переливая сочной зеленью каждый листочек. Ствол лоснился белизной с чёрными прожилинами. Берёза, красивая в своей обыденности, достойная кисти самого Левитана.

Последний, третий шанс. А вот теперь действительно это было похоже на соломинку. Ствол берёзы практически раза в три был тоньше стволов, теперь уже лежавших на земле исполинов тайги, огромных пихт. Хотя она и выделялась среди остальных своих сестёр довольно мощным видом, но это было сравнение с кустарником. Отгребая от ствола землю, напарник как можно ниже зацепил трос. Маленькая надежда всё-таки была. Надежда не на ствол, а на корень. Обычно у берёз он мощным своим основанием уходил глубоко в землю, в отличие от пихты, корневая система которой располагалась ближе к поверхности земли огромным радиусом. Во время урагана берёзы всегда ломались, а эти виды хвойных ветер выворачивал с корнем.

Тайга уже не удивилась, как взревел мотор, заработал механизм лебёдки. Натяжение дошло до предела. Как будто что-то хрустнуло, обломился сухой сук. Прокрутились на месте колёса. Машина дёрнулась. Раздался звук, похожий на стон. Берёза шелохнулась, и огромный КрАЗ сдвинулся с места. Маленькими рывками он стал выезжать из огромной лужи, словно проснулся ото сна и сейчас вставал с постели. Ребята не верили своим глазам. Будто огромная железяка говорила: «Вы меня не подвели, и я вас не подведу». Совсем немного оставалось до конечного пункта. Точнее, до конца только первого этапа пути. Пути с их железным огромным другом. После выезда из большой лужи вскоре дорога вышла на нетронутый человеком песчаный берег озера.

Часть четвёртая

«Девять рек» — это перевод с тюркского названия озера, точнее, системы озёр. Извилистые берега придавали акватории причудливую форму и подходили к водной границе почти все заболоченные. И лишь там, где выехали наши путники, берег имел ровные очертания и песчаную поверхность.

На берегу стояла лодка, чуть меньше илимки, традиционных лодок, входивших в обязательный уклад хозяйства староверов в поселениях на Енисее и на его притоках. Она служила основным транспортным средством для перевозки грузов до второй половины прошлого века, пока Восточную Сибирь не покрыла сеть автомобильных и железнодорожных дорог. С плоским дном, обшитая досками, сильно вытянутая, с прямыми боками и кормой, острым носом, она была похожа на что-то сказочное, даже мистическое. Как ладья викингов, врезанная в песчаный берег, стояла, чуть покачиваясь от еле заметных волн на озере. И только навесной мотор сзади выдавал её за современное средство передвижения.

Двое человек вышли из леса навстречу подъехавшему КрАЗу. Им было чуть больше тридцати. Несмотря на бороды и рабочую, пропахшую кедровой и пихтовой смолой одежду, болотники и прочие атрибуты бывалых таёжников, от взгляда не могли скрыться их манеры жителей города. Обнявшись с водителем КрАЗа и его напарником, так, как будто были закадычными друзьями, хотя виделись второй раз в жизни, они направились к борту машины.

«Что-то припозднились, давайте грузиться, нам ещё протоку преодолевать, а уже вечереет» -сказал один из приехавших на лодке. Все стали перегружать с борта КрАЗа вещи на лодку. Чего здесь только не было. Судя по грузу, было ощущение, что половина вещей переезжала с благоустроенной квартиры, а половина — с какого-то заброшенного сарая. Хорошо упакованные коробки, новые книжные полки, стол и стулья чередовались с грязными досками и какими-то ржавыми железяками. Перегрузили довольно быстро. Лодка заметно осела. Заурчал мотор, и, не торопясь, чуть покачиваясь, судно с людьми отчалило от берега, оставляя за собой одинокую машину, стоявшую на песке, провожающую эту кампанию и как будто говорящую: «Скорее возвращайтесь за мной».

Несмотря на небольшую скорость, озеро преодолели довольно быстро. Подплывая к берегу, сидевший на моторе Олег, так звали молодого человека, сказал: «А вот сейчас начнётся самое интересное». Лодка подплывала к протоке, которая втекала в озеро. Течение в ней бурлило, кое-где оголялись валуны. Мотор заработал на максимальных оборотах, выжимая из себя сколько есть мощи, готовым идти против течения. Гладь озера сменилась на бурную реку.

Часть пятая

«Приготовьтесь», — сказал Борис, не один раз преодолевавший эту преграду. Лодка на полном ходу вошла в протоку. Мотор ревел на полной мощности. Как будто начался поединок между течением реки и этой парочкой, совершенно не подходившей друг другу: старой лодкой с облезшей краской и почти новеньким мотором «Ямаха». Борис напряжённо всматривался в дно этой небольшой речки, выискивая еле заметный фарватер, знакомый только ему одному. Кристально чистая вода давала эту возможность. Но лодка всё-таки потихоньку сдавала свои позиции, замедляя ход, несмотря на то что мотор продолжал так же реветь. Люди сидели молча, не шелохнувшись, и только взгляд их скользил то на берег, который был совсем близко, казалось, рукой подать, то на отчётливо просматриваемые водоросли и валуны на дне. Ход лодки всё затухал. Теперь картинка берега не бежала так стремительно рядом, а еле плелась, так что можно было рассмотреть каждое дерево, каждый кустик, даже каждую травинку. Но люди были озадачены не любованием этой прекрасной природы, а совершенно другим.

Две мысли только приходили на ум, во всяком случае половине этого экипажа уж точно. Это не философские вопросы классиков литературы «Кто виноват?» и «Что делать?». А простые, но очень актуальные на данный момент: «Что будет если винт полоснёт по камню?» и «Что дальше, если лодка остановится и пойдёт назад?». Теперь все смотрели на берег, только по нему можно было определить, стоит лодка на месте или ещё идёт. Картинка остановилась.

«А вот теперь делай как я», — громко сказал Борис, зафиксировав мотор, он выпрыгнул из лодки, держась руками за борт. Все, по команде, как один, очутились за бортом. Вода была выше колен, благо у всех были болотники, дно было твёрдое, кое-где проступал ил и лежали небольшие валуны. Для терявшей скорость лодки это была ощутимая подмога. Четыре пары рук ухватились за борт и сколько есть сил стали тянуть, помогая ревущему мотору. Течение здесь уже было не сильное, но всё равно оно сбивало с ног, если наступишь на скользкий камень. Еле-еле лодка всё-таки шла вперёд. Каждый сантиметр теперь давался с невероятным напряжением. Держа в постоянном напряжении мышцы рук, стараясь резко и на короткое расстояние переступать ногами, чтобы не снесло течением, люди всё-таки тянули лодку с грузом вперёд. Оставалось совсем немного до начала протоки. Казалось, минула вечность, до того момента, как люди поняли, что лодка уже справляется самостоятельно. Радости не было предела, запрыгнув на свои места, тяжело дыша, ребята улыбались. Как величественный лайнер, ревя мотором, не торопясь лодка выходила из протоки навстречу огромному озеру и, быстро набрав ход, уже неслась по зеркальной глади, как будто радуясь вместе с людьми, тому что под винтами нет уже сопротивления течения.

Борис сидел на корме и держал ручку руля этой японской техники, чудом оказавшейся в тайге, на старой лодке. Остальные полулежали на вещах, и каждый думал о своём, наслаждаясь величественными картинами природы, открывающимися с середины озера. Впереди по курсу была видна огромная гора, подножьем своим упиравшаяся в озеро, голубая гладь которого, отражало эту величавую гору, как в зеркале. Вся она переливалась в сочных красках хвойного леса, постепенно переходящих от нефритового у подножья к изумрудному ближе к вершине, и лишь сама вершина, усыпанная огромными валунами, лоснилась как велюр на солнце серыми оттенками. Вдалеке уже проглядывались снежные хребты Восточного Саяна, как зубья острой пилы вонзающих в нежно-голубое небо, слегка подёрнутое малочисленными, белыми, как вата облаками.

Позади остались все трудности переезда. Последнего этапа, а точнее сказать, последних двух этапов переезда из большого шумного города в эту необычайную тишь и глухомань. Из Самары на хутор озера Верхний Тагасук переезжал Борис, а его друг Олег помогал в этом мероприятии. На берегу, прямо по курсу, посреди маленькой поляны, окружённой молодыми кедрами виднелся небольшой рубленый домик. Матвей Доброхотов, так звали водителя КрАЗа, переехавшего из Зеленограда (района Москвы) со своим грузовиком-вездеходом и Женя Корягин, его напарник, как вы поняли, приняли непосредственное участие в этой одиссее.

Дорога домой на следующий день была уже намного легче. Течение протоки между двумя озёрами Тагасук и Верхний Тагасук не препятствовало, а наоборот подгоняло путников. И дальше на КрАЗе, заждавшемся их на берегу, поехали они в обратный путь, уже легко преодолевая ту огромную лужу, предварительно закидав её ветками.

Высоко на дереве сидел бурундук. Он был в безопасности, интуитивно чувствуя, что такая громадина, появившаяся вчера, по деревьям не лазает. На этот раз он крепко сжимал своими маленькими лапками с острыми коготками самое вкусное своё блюдо — кедровую шишку, чудом сохранившуюся с зимы, уж это не еловая вам шишка. Устроившись поудобней на огромной ветке раскидистого кедра, предвкушая вкусную трапезу, зверёк услышал вчерашний знакомый звук рокота дизеля. На этот раз он не метнулся наутёк, а только посмотрел вслед удаляющейся машины, мерно переваливающейся по кочкам, ехавшей уже по своей колее, увозящей

вдаль двух молодых ребят, которым ещё не раз предстоит встретиться лицом к лицу с суровыми условиями девственной тайги.

Снегопад

Светало. Лёгкая морозная дымка нежной вуалью окутывала заснеженную поляну в лесу. Деревья, чуть припорошённые инеем, стояли не шелохнувшись. Тишина пронизывала своим беззвучием пространство. Шёл мелкий снег, ложась аккуратно на землю, словно боясь нарушить эту идиллию. Рядом с поляной проходила дорога. По ней уже несколько дней никто не ездил, и она, словно пуховым одеялом, была накрыта слоем снега.

Летом эта заброшенная трасса была довольно сносной грунтовкой, только в период сильных ливней на ней стояли огромные лужи, и машинам приходилось протискиваться, прижавшись к лесу, объезжая эти лужи, царапая кузов о ветки деревьев. А зимой это была очень даже приличная дорога, хотя её никто не чистил от снега, но почти каждый день по ней кто-нибудь, да и проезжал на машине или на санях, или проходил пешком.

Трасса вела от крайней деревни из райцентра в непроходимую тайгу. Зимой она доходила до города Солнца, последние полпути превращаясь в зимник, идущий по замёрзшему болоту. А летом эта дорога упиралась в «Вагончик», он стоял как раз на полпути. Вагончик-это название перевалочной базы, состоящего из одного строительного вагончика, в котором жили люди и небольшого участка с постройками, что-то вроде маленького хутора. Там складировался груз для строителей уникального поселения — города Солнца. А дальше в этот населённый пункт вела только пеше-конная тропа по лесу. Но это было летом, а зимой это была дорога, которая вела сразу в этот строящийся город, хотя и она не давала повода разогнаться на машине из-за частых поворотов, но для глухой тайги это был автобан. Если не было снегопада…

С ветки дерева посыпался снег от качнувшего её взлетевшего снегиря. Послышался скрип саней и дыханье лошади. Из-за поворота неспешно выезжали две упряжки саней.

Впереди шёл белый мерин. Сопя и фыркая, напрягая все свои огромные мускулы, он вёз сани с грузом. На санях поверх груза сидел человек. На коне сразу же таял падавший снег, отчего круп был весь мокрый, а чёлка и грива были все как будто в белой шапке и в белом шарфе от снега. Вторая лошадь была вороной масти и чуть поменьше первой. От снега она также была мокрая. Только снег на чёрной челке и гриве придавал ей необычный сказочный вид. Хоть везли сани и не тяжеловозы, но для этих лошадей местной породы, а проще говоря, «дворняжек», была по силам такая нагрузка. Вторая лошадь везла меньшую поклажу, а в санях сидели два человека. Молодые люди везли груз в город Солнца. Упакованные солнечные батареи, аккумулятор, личные вещи в коробках, мешки с крупами. В конце 90-х, зимой санный, а летом конно-пеший, маршрут был не то чтобы привычным, но и практически единственным средством доставки грузов.

Им предстояло преодолеть более двадцати километров пути, сначала по дороге, потом по зимнику через болото. Первый километр остался позади. Снегопад усилился, снег уже не был мелкий, а падал большими белыми хлопьями. Рассвело, но солнце не проглядывало из-за плотной пелены снегопада. Ночной мороз спал, холода не было, по сибирским меркам можно сказать даже тепло.

Необычный караван потихоньку начал сбавлять темп. Впереди идущий белый мерин по кличке Булан шёл уже тяжело дыша, загребая санями огромный бруствер снега, ногами глубоко утопая в снегу. Вторая упряжка шла легче по проторенной дороге впереди идущих саней. Вороной Ветерок, товарищ по этому походу своему собрату Булану, как будто бы не понимал, почему идём так медленно, и постоянно чуть ли не наступал своими копытами на впереди идущие сани. В конце концов он при очередном рывке всё-таки наступил копытом на распорку грядок*, от чего чуть споткнувшись, встал. Первая упряжка встала почти одновременно с ним. Они прошли всего около двух километров. Снег преградил им дальнейший путь.

«Что дальше?» — задал вопрос скорее себе, чем окружающим, молодой человек, сидящий на первых санях. «Да сейчас отдохнут лошади, и дальше пойдём», — ответил его товарищ, сидящий с молодой девушкой, укутанной в тулуп, на вторых санях. Девушка не выражала беспокойства, полагаясь на решение хорошо ей знакомых мужчин. Она была задумчива, казалось, что мысли её были не здесь. Чуть приплюснутый маленький носик и правильные, немного полноватые губы придавал ей некий шарм. Взгляд больших зелёно-голубых глаз, под слегка широкими чёрными бровями, обрамлённых длинными ресницами, был настолько притягательный, что в нём можно было утонуть. Правильные черты лица были немного нарушены еле заметными шрамами. Несколько лет назад она попала в крупную автомобильную аварию. Осколки стёкол обезобразили её лицо. Порезы были настолько серьёзные, что о восстановлении былой красоты не было и речи. На тот момент времени она ходила на курсы к одной целительнице-экстрасенсу в Москве по имени Мзия, позиционирующая себя как «посланница из тонких миров». В девяностых годах экстрасенсы и прочие целители, как букеты на клумбе, начали расцветать на постсоветском пространстве, и наряду с достоверными знаниями, впихивали изголодавшемуся обывателю по магии и разным чудесам, всякую околесицу. После аварии Мзия примчалась в больницу к нашей героине. И благодаря её сеансам шрамы на лице девушки зарубцевались, введя в недоумение врачей, считавших, что обезображенное лицо девушки невозможно восстановить. Сейчас остались лишь еле заметные полосы на лице, которые придавали некое необычное очарование её образу. Сидя на вторых санях, она смотрела на падающие снежинки.

Волноваться им, казалось бы, не о чем. Впереди в семи километрах стоял вагончик, где были люди, и если развернуться, то обратно, до населённого пункта пройти всего лишь два километра. Но снегопад усиливался и поднялся ветер.

«Но, пошёл!» — громко прозвучала команда для Булана. Отдохнувший, он встрепенулся и, кивая головой, рывками сдвинулся с места. Сани, скрипя, поскользили по снегу. За ними сразу же пошёл и Ветерок. Но, и пяти минут не прошло, как опять лошади встали. «Что же делать?» — вновь задал вопрос молодой человек к своему другу. Сам он понимал, что надо возвращаться. Другого мнения был его друг. Он во что бы то ни стало хотел доехать до своего жилья в городе Солнца, где начал уже обустраиваться. Ему не терпелось удивить свою супругу, а на санях была именно она, только что приехавшая из Москвы. Однако, похоже, эта экстремальная поездка уже начала удивлять её.

Воцарилось молчание. Даже лошади, восстановив дыхание, не фыркали. Казалось, что они тоже задавались вопросом, что делать дальше, и серьёзно обдумывали ситуацию.

«Давай расчищать обгон», — сказал уверенно молодой человек, везший свою супругу, переехавший год назад из столицы в девственную тайгу. «Если сани будут меняться местами, то лошади не так будут уставать», — подвёл резюме своим мыслям коренной москвич, откуда-то найдя эту идею. Приняв необычное решение, они соскочили с саней и, утопая по колено в снегу, начали протаптывать дорожку для обгона. Работа шла быстро, за десять минут снег рядом с первой упряжью был утрамбован. Сдерживая Булана тихим «тр-тр-тр», чтобы команду «пошёл» он не принял на свой счёт, которая была для Ветерка, вороной с грузом и людьми резво рванул на обгон по проторенной дорожке. Но выехав на заснеженную дорогу, пыл его начал угасать. Он был молодым и резвым, но не таким сильным, как его сородич Булан. В нём присутствовал экстерьер скаковой лошади, в отличие от Булана, в котором больше было помеси от тяжеловоза. Ветерок не прошёл и двухсот метров, как начал задыхаться и часто фыркать. Сани остановились. Ещё не поздно было вернуться назад, но решение принято. Давая отдыхать лошадям, попеременно меняясь (каждый раз протаптывая обгон для вторых саней), удавалось всё-таки, хоть и медленно, но двигаться вперёд.

Снегопад усиливался. Теперь он был похож на плотную пелену тумана. Порывы ветра сбивали снежные шапки с деревьев, которые стояли по обе стороны дороги, делая дорогу ещё более непроходимой. Более десяти раз сменялись впереди идущие сани, а не пройдено ещё и

половины пути. Теперь обгон протаривали почти по пояс в снегу. Снег заметал и путь назад. На отдых приходилось выделять гораздо больше времени, чем раньше. Уже не только лошади были измотаны, но и люди, идущие пешком, облегчая груз коням. Поочерёдно сменяясь, мужчины топтали обгон, так же, как и поочерёдно сменялись Булан с Ветерком.

Никто не выражал беспокойства, несмотря на то что они рассчитывали доехать до вагончика меньше чем за час, а сейчас уже прошло полдня. Лена, так звали девушку с прекрасными бездонными глазами, была уже изрядно уставшая, но она не подавала виду, а только молча шла пешком, так же, как и ребята, за санями.

Стемнело. Пройдено уже полпути. Теперь это была схватка со стихией. Это был не ураган, не торнадо, не землетрясение и даже не извержение вулкана, а просто целый день тихо шёл снег. Друзьям вспомнилось, как в прошлый год был обильный снегопад, и деревню, которая была отправным пунктом их нынешнего путешествия, отрезало от внешнего мира на две недели. И, по всей видимости, в этом году может произойти нечто подобное, учитывая разгул этой тихой стихии.

Предполагая за короткое время добраться до дома, друзья не взяли в дорогу никакой еды и даже воды. Жажду пришлось утолять снегом. А вот чувство голода уже давало о себе знать. Светлое время суток осталось где-то далеко, казалось, что это было вчера. Сейчас уже непроглядная тьма пронизывала пространство, словно глубокой ночью, хотя был только вечер. Лошади интуитивно чувствовали дорогу, да и на обочине сугробы стали гораздо больше. В этой темноте всё так же шёл снег. На частых остановках раздавалось жужжание фонарика. Не на батарейках, а работая как кистевой эспандер, он был в этой кромешной тьме незаменим, подсвечивая обгон для лошадей и состояние упряжи. Ориентируясь лишь по поворотам, спускам и подъёмам знакомой дороги, ребята предполагали, где они находятся. В этой темноте они еле разглядели деревянный мост, на который въехали, над небольшой рекой. Сани остановились за мостом на очередной отдых и протаптывание обгона. До «Вагончика» оставалось совсем немного. Людям и лошадям нужно было хорошенько отдохнуть перед последним рывком.

После моста три раза уже сменялись впереди идущие сани. Казалось, целая вечность прошла, а вагончика всё не было видно. Но вот он, похоже, последний поворот, и сквозь снегопад стал виден еле мерцающий от свечки огонёк в окошке вагончика.

«Но, пошёл!» — команда теперь относилась к Ветерку, он уже не так резво дёрнулся и пошёл на обгон первых саней. Но не прошёл и десяти метров, как встал и чуть попятился назад. Услышав ещё раз команду «пошёл», опять дёрнулся, и вдруг раздался какой-то щелчок. В темноте не понятно, что произошло. Лошадь резко сдала в сторону и начала падать на бок, увлекая сани за собой. На санях никого не было, возничий держал вожжи за санями сзади. Большой сугроб не дал лошади окончательно упасть на землю, перебирая ногами, она быстро встала. Сани вернулись в своё первоначальное положение. Оправившись от шока, Ветерок стоял спокойно, учащённо дыша. Только правая оглобля теперь болталась лишь на чересседельнике*, подпруга* была порвана, правые гужи» лопнули, и дуга* лежала на крупе лошади. О ремонте упряжи в таких условиях не могло быть и речи. Долгожданный вагончик был уже рядом. Друзья стали кричать: «Эге-гей, мы здесь!» Из вагончика выбежали люди с фонариками. Ветерка распрягли и доставили в стойло, которое было тут же в этом маленьком хуторке. Его сани довезла местная лошадь. А Булан самостоятельно дошёл с санями по уже проторенной дороге до пристанища. Наверное, лошадям было невероятно приятно ощущать себя свободно в загоне без упряжи и смачно перемалывать своими огромными зубами овёс, загребая тут же в рот очередную долгожданную порцию из ведра. А нашим героям вкус простой перловой каши, сваренной на воде, в тот вечер показался вкуснее всех ресторанных блюд. И, закутавшись в спальники на туристических ковриках, подложив под голову свитера, они спали без задних ног на деревянных полатях* в строительном вагончике, затерявшемся среди бескрайней тайги, у подножья сопок предгорья Восточных Саян.

Пройдено полпути. С рассветом опять в дорогу.

На следующий день снегопад закончился…

*круп-задняя часть туловища животного, которая начинается от середины спины и заканчивается у корня хвоста

*бруствер-вал снега

*грядки-толстый брусок из сосны или ели овального, или прямоугольного сечения, который надевался на копылы (в верхней части которых тоже были шипы) по всей длине полоза, грядки вместе с поперечинами образовывали раму.

*чересседельник-часть конской сбруи — ремень, протянутый от одной оглобли к другой через седёлку

*подпруга-широкий ремень, затягиваемый под брюхом лошади и служащий для укрепления седла или седёлки.

*гуж-часть упряжи, кожаная или верёвочная петля у хомута, которая скрепляет оглобли с дугой. Через гужи закладываются концы оглобель, и через них передаётся тяговое усилие от лошади к повозке.

*дуга-часть конской упряжи, скрепляющая с помощью гужей хомут с оглоблями.

*полати-деревянный настил.

История о поездке из Жаровска в Обитель Рассвета зимой 1997года Лены, Матвея Доброхотова и Жени Корягина.

Пионер

Памяти друга.

Часть первая. Первая тропа

В 90-е годы, когда интернета ещё не было, а тайга была более нетронутой, знания о том, как выжить в лесу, ограничивались воспоминаниями о пионерских походах времён СССР, редкими заметками в журнале «Сделай сам» и передачей «В мире животных» а также рассказами родителей, бабушек и дедушек, если они были родом из деревни.

Тогда ещё не вышел фильм «Выживший», в котором главный герой, Хью Гласс, с проникновенной игрой Леонардо Ди Каприо, даёт уроки сурвивализма- искусства выживания.

Конечно, это не позапрошлый век и не Америка. События, о которых пойдет повествование, были в упомянутых 90-х в предгорьях Восточного Саяна.

Ко всему сказанному о науке выживания прибавьте ещё опыт жизни на даче с бабушкой в Калужской области.

С таким багажом знаний о жизни в лесу я уверенно шёл с гружёным рюкзаком, подминая под себя сапогами траву на еле заметной тропе, которая проходила по заброшенной лесосеке. Вокруг торчали ещё не успевшие сгнить огромные пни от некогда красовавшихся здесь исполинов тайги, кедров и пихт. Между ними уже начинала появляться молодая поросль берёзы и осины, которая боролась за своё место под солнцем с кустами смородины и малины. Но пока ещё большую часть занимало разнотравье, иногда доходившее до человеческого роста и источающее в воздух дурманящий аромат. Переливаясь розово-лиловыми оттенками верхушками соцветий, иван-чай вперемешку с крапивой стоял непроходимой стеной вдоль тропинки. На небольших прогалинах зацветал бодяк, соседствуя с папоротником и хвощом. Кое-где по дороге вспыхивали алые букеты пионов, а из-за пырея проглядывали цветы земляники. С небольших лужаек были видны близлежащие сопки. Стоял жаркий июньский день.

За спиной остались 11 километров грунтовой дороги, по которой почти никто не ездил. Впереди, почти столько же нетронутого леса. Заброшенная лесосека оказалась между этими двумя совершенно разными ландшафтами. От физической нагрузки и от жары пот струился градом, приходилось идти в ветровке и в накомарнике, несмотря на палящий зной, иначе насекомые, гнус и мошкара, не дадут пройти и нескольких метров.

Я впервые шёл в тайгу.

Шёл не один. Впереди меня, буквально на расстоянии вытянутой руки, маячил рюкзак моего друга. Зная дорогу, он шёл первым. Ровная местность стала сменяться подъёмом, который с каждым поворотом становился всё круче. Участилось дыхание, мышцы ног сильнее напрягались. Но мы не сбавляли темпа.

«Всё, парк кончился», — сказал напарник. Я сначала не понял выражения, но буквально через несколько секунд стало ясно, что весь предыдущий путь по грунтовой дороге и заброшенной лесосеке с тяжелогружёнными рюкзаками по палящему пеклу, с кровососущими насекомыми — это были цветочки. Ориентируясь по засечкам на деревьях, завязанным красным ленточкам на кустарнике и по примятой траве, мы ступили на самый сложный участок пути — девственный лес. Сначала густой кустарник черёмухи замедлил нам ход, пробираться пришлось как сквозь джунгли, порой буквально вырубать кусты топором. Но постепенно кустарник стал встречаться реже, на смену им пришли берёзы и осины, которые вскоре сменились огромными кедрами и пихтами, изредка встречались ёлки и сосны. Идти стало легче, несмотря

на то что практически каждые 50 метров приходилось перелезать через валежник, а в некоторых местах — пролезать под огромными поваленными ветром исполинами.

Где-то, наступив на мох, можно было ощутить, как просачивается вода, и маленький лягушонок, испугавшись, выпрыгивал из-под ног. Но в лесу было сухо. Раскидистые ветки пихт и ёлок ниспадали до самой земли. Порой казалось, что за рюкзаки хватается сам леший, замедляя продвижение.

Запах разнотравья от лесосеки сменился ароматом тайги. Несмотря на долгий путь, стало даже легче дышать от фитонцидов, источаемых кедрами и пихтами.

«Надо отдохнуть», — указав на поваленное дерево и замедляя шаг, сказал мой товарищ. Помогая друг другу снять рюкзаки, мы сели на ствол огромного, обломанного от урагана кедра. Ствол этого исполина тайги был неправильной формы, он раздваивался, как древко у лиры, половина дерева осталась жива и росла рядом, а половина рухнула под натиском ветра.

Посидев несколько минут, наслаждаясь приятной истомой в теле после снятия тяжёлых рюкзаков, мы опять двинулись в путь.

«Осталось совсем немного», — сказал Ахнаф.

Так звали, моего друга, первого в нашей связке, он стал и первым жителем необычного города, который только начинал строиться среди глухой тайги, куда мы шли. Ахнафу было чуть больше сорока, подполковник КГБ в отставке, он был уже на пенсии. Отрастив бороду, он стал похож на лесного эльфа. Овальное лицо и карие миндалевидные глаза выдавали в нём татарина. Среднего роста, худощавого телосложения, жилистый и мускулистый, он нёс свой тридцатикилограммовый рюкзак, как будто какой-то тяжелоатлет несёт всего лишь пудовую гирю. Он был немногословен, нечасто улыбался, но любитель пошутить. Причём ироничные шутки он говорил с серьёзным выражением лица, так же, как и улыбался с серьёзными глазами. Иногда я не понимал, то ли он шутит, то ли говорит всерьёз.

Начался небольшой спуск.

Там, уже в нескольких километрах, в конце еле заметной тропы, в фанерном, совсем крохотном, три на два метра, летнем домике его ждали жена Лена с сыном Антоном. К зиме он должен построить большой, добротный дом для своей семьи. Пока он не знает, как, без опыта, один. Но он был твёрдо уверен, что сделает это. Упорства и целеустремлённости ему не занимать. Он шагнул из благоустроенной трёхкомнатной квартиры, престижного нового района Строгино в Москве в эту непроходимую тайгу, чтобы круто изменить свою судьбу и построить новую жизнь.

Часть вторая. Первый дом

Нас было трое. Трое совсем незнакомых людей, ставших здесь крепкими друзьями. Мы пришли на помощь Ахнафу строить дом, хотя нас никто не звал. Просто так почувствовали, как говорят, сердце подсказало. Отложив на пару месяцев все свои личные дела, забыв на пару месяцев свои личные заботы, какие-то амбиции, какие-то желания и, живя в палаточных условиях в глухой тайге, в жару и в дождь, при мошкаре и гнусе, мы с утра до вечера, без выходных посвятили своё время, свой труд помощи другу в его нелёгком деле — строительстве дома. К зиме семья должна перебраться из временного жилища, фанерного домика, сооружённого за один день, не приспособленного к морозам, в благоустроенный добротный дом. Ахнаф был несказанно рад помощи. В душе он верил, что как-то сложится, что вселенная откликнется на его порыв.

Татарское имя Ахнаф означает «тот, чьи слова самые верные, истинные». Он был прямолинеен, говорил прямо в лицо всё, что думает о человеке, не боялся обидеть и сам никогда не обижался на критику. Иногда было ощущение, что он просматривает тебя насквозь своим острым взглядом. Работа в органах госбезопасности, наверное, отпечаталась на характере. Он

был тонкий психолог, разбирающийся в людях. Порой при разговоре с ним было мимолётное ощущение разговора с особистом* в кабинете.

«И раз… и раз… и раз…» — громко командовал Ахнаф, таща волоком на верёвках шестиметровое, только что очищенное от коры бревно. Гладкая белая поверхность бревна блестела на солнце. Ароматная смола пихты, больше похожая на сок, позволяла бревну легко скользить по покатам. Двое людей ловко справлялись с таким передвижением тяжеленого груза, больше полтонны. Ахнаф тянул бревно вместе с Юрой. Этот высокий молдаванин с широкими плечами, объёмными мускулами являл прямую противоположность Ахнафу. Они смотрелись как великан и лилипут. Но это было только внешне. Им было одинаково чуть за сорок. Внутренне их миры были близки. Юра такой же немногословный, сдержанный. Прежде чем что-то сказать или ответить, он выжидал паузу, пауза появлялась и сразу после одного или второго слова во фразе, из-за чего его речь казалась весомой и значимой. Таская доски с пилорамы, которая начала работать за чертой строящегося города благодаря усилиям Виктора из Риги (о нём будет отдельный рассказ, об этом кремне первопроходце), Юра один брал пачку на своё богатырское плечо чуть ли не в два раза больше, нежели брали двое. Так и не скажешь, что это бывший научный работник одного из НИИ города Кишинёва.

Друзья валили деревья, тут же очищали от сучков, окаривали лопатами (очищали от коры), пилили в размер, тянули на верёвках к срубу. В первый год на всех стройплощадках города Солнца все работы производились вручную, не было даже лошадей, чтобы трелевать* брёвна.

Возведена почти половина стен дома. Пихтовые беленькие брёвна в срубе уже подсохли и лоснились, как бархат на солнышке. Лес в этом месте уже был прорежен, превратившись в небольшую опушку, и солнце всё смелее пробивалось сквозь лапник пихт, ветки берёз и осин. Валили лес вручную двуручками и топорами. Как какой-то десант высаживался за сотни километров от городов в глухой тайге. С минимальным набором реквизита, без опыта не то что выживания, а просто жизни в лесу, люди буквально вгрызались в этот клочок нехоженой тайги. Рубили срубы тоже вручную. Именно рубить, говорят плотники, а не строить, это сродни как моряк в море ходит, а не плавает, или художник пишет картины, а не рисует. Плотниками все были впервые.

Кроме Юры, Ахнафу помогал ещё я и Дима, мы с Димой были почти ровесники, нам было чуть больше двадцати пяти.

Сидя на срубе, обхватив брёвна ногами, энергично орудуя топорами, мы вырубали пазы и чаши очерченными «дедовской чертой» или «царапалкой» — металлической пластиной, похожей на две соединённых прищепки. Это не то, что сейчас, черта напоминает сложный прибор с разного рода капельными уровнями. А тогда это была простая железяка.

От работы топоров во все стороны разлетались щепки. На стойке была атмосфера задора и бодрости, и непринуждённого общения.

«Как-то с одним другом поспорили, кто больше песен знает», — начал свой рассказ Дима, делая большие паузы между предложениями. Истинный житель северной столицы, манеры и интеллигентность которого были под стать князю Андрею Болконскому из романа Толстого «Война и мир», и в то же время простой и открытый, с богатым образным мышлением, как и подобает всем творческим натурам. С ним было очень легко и комфортно находиться рядом. Он мог поддержать разговор на любую тему, начиная от высоких материй и кончая самых обыденных вещей, таких, например, как заточка топора.

«Так вот, -продолжил он, -собралась нас приличная компания у Литейного моста. Тепло. Лето. Белые ночи. Девчонки, ребята и мы вдвоём с гитарами. В 1:40 ночи начал разводиться мост. Ну и мы устроили концерт. Условия были такие, что мы поочерёдно должны петь песни, которые не должны повторяться, и у кого закончится репертуар до того момента, как опустится мост, тот проиграл. В общем, до 4:45 утра так никто и не сдался».

Он и здесь не расставался со своей гитарой, доставая частенько её из чехла по вечерам. И, сидя у костра, в тёплой компании друзей, приходивших с соседних участков строящихся домов, он вспоминал свой репертуар, некогда звучавший у разводного моста в Питере, но, конечно, уже не до утра.

Наступила осень. Ночные температуры начали опускаться ниже нуля. Иногда днём шёл дождь. Надёжное средство защиты от отравляющих веществ, биологических средств и радиоактивной пыли ОЗК, этот общевойсковой костюм, нашёл здесь новое применение — защита от дождя. Сидя на скользком срубе в этих зелёных резиновых костюмах, мы продолжали вырубать пазы и чаши в брёвнах даже в ливень. Надо было успеть заселить в новый дом семью Ахнафа до серьёзных морозов. А они в этих краях могут наступить в конце октября.

В эту ночь был сильный заморозок. В лесу раздавался громкий треск, как будто кто-то колет дрова. Всем стала понятна фраза про трескучие морозы. От резкого перепада температур замёрзшим соком, не успевшим ещё прекратить своё движение по стволам, разрывало кору. Этот треск хлёстким эхом разносился по тайге. На следующий день были закончены все работы по строительству дома, поставлена печка-буржуйка, обложенная кирпичами. Семья наконец-то вселилась в добротный рубленый дом. Брёвна ещё не просохли. Стены были влажные. Несмотря на множество недоделок, дом выполнял основные свои функции: надёжно защищал людей от трескучих морозов, в отличие от фанерного домика, превратившегося в сарай, куда складывали вещи. Уже можно не так торопиться, спокойно вечером посидеть у тёплой печки, слушая, как потрескивают дрова, и помечтать, как будет дальше преобразовываться непроходимая тайга в цветущий город-сад и как будут приезжать туристы на автобусах, поражаясь этому сказочному оазису среди тайги.

Он это сделал! Построил первый в городской черте дом в Городе Солнца.

Тропа уже давно заросла. Построили дорогу совсем в другом месте. Сейчас уже не ходят пешком, люди ездят на машинах, приезжают на автобусах туристы. Возведены парки, скверы и аллеи. Стоят большие и благоустроенные дома. Небольшая избушка Ахнафа затерялась среди сказочного ландшафта и красивых построек.

Ахнафа уже нет в живых. В его доме сегодня живут другие люди. Но память о нём хранит тайга, помня первую тропу, по которой он шёл первым. Помнит огромные усилия в движении к своей мечте, помнит первые венцы, ложившиеся в сруб первого дома в городе Солнца — городе Надежды.

*трелевать- доставлять, подтаскивать (брёвна, хлысты деревьев) с места заготовки к дороге или к стройплощадке.

*особист- сотрудник особого отдела КГБ в воинской части, на предприятии и т. п., занимающийся вопросами охраны государственной тайны.

Трескучий мороз

В названии этого маленького рассказа нет ничего необычного. Мы порой, не искушённые в этимологии*, используем какие-то фразы, не задумываясь над их происхождением. Так и я не предполагал, откуда берётся фраза вышеупомянутого заголовка этой истории.

Папоротник-орляк-традиционное блюдо восточной кухни в Корее, Китае и Японии, богатое белком и микроэлементами, невероятно полезное и замедляющее процессы старения в организме-весьма прижился на кухнях первых строителей города Солнца в предгорьях Восточного Саяна в середине 90-х годов прошлого века. В каком только виде его не готовили. Но, наверное, самым вкусным был сухой, предварительно замоченный папоротник, обжаренный с луком и специями. А Лена (так звали хозяйку маленького, крохотного фанерного домика) умела настолько искусно его приготовить, что пальчики оближешь.

Стоял октябрь месяц. В глухой тайге разворачивалось строительство необычного поселения. Вечерело. Люди возвращались со стройплощадок в своё жильё. Эпитет «возвращались» -громко сказано. Жильё находилось практически рядом со стройками. В первое лето начала строительства города только на двух участках стояли крохотные временные фанерные домики два на три метра, остальные поселенцы ночевали в палатках. Люди торопились до морозов построить добротное жильё, возводили срубы будущих домов. Без навыков, без бензопил, без техники, в глухой тайге, без дорог-только конно-пешая тропа соединяла тогда первопроходцев с цивилизованным миром, где до ближайшего жилья было 23 километра. В жару и в дождь, при гнусе и комарах люди не переставали работать.

Так вот, после вкусного ужина, состоявшего из гречки и папоротника, я в этот вечер возвращался в свою палатку, находившуюся метрах в пятидесяти от стройки, где помогал в возведении жилья к зиме.

Это была обычная маленькая брезентовая двухместная палатка ещё советских времён; она стояла на покрытом валежником настиле из досок. Поставил её Вадим из Алма-Аты, отложивший свой переезд в тайгу в строящийся город до следующего сезона, и любезно позволивший мне пользоваться палаткой.

Темнело, подсветив фонариком замок палатки и открыв полог, я залез в два тёплых спальника.

Спальники, брезент палатки и валежник, служивший шикарной ароматной периной, не только спасали от, ставших обычных в это время, лёгких ночных заморозков, но и составляли в совокупности неотъемлемое условие здорового крепкого сна. Москвич по прописке и романтик по призванию, некогда мечтавший попасть на комсомольские стройки Советского Союза, я волею судьбы и политической ситуации в стране оказался в глухой тайге. Мои «разбитые мечты обретали снова силу высоты», как пела в своём хите Алла Борисовна песню талантливой поэтессы Татьяны Снежиной.

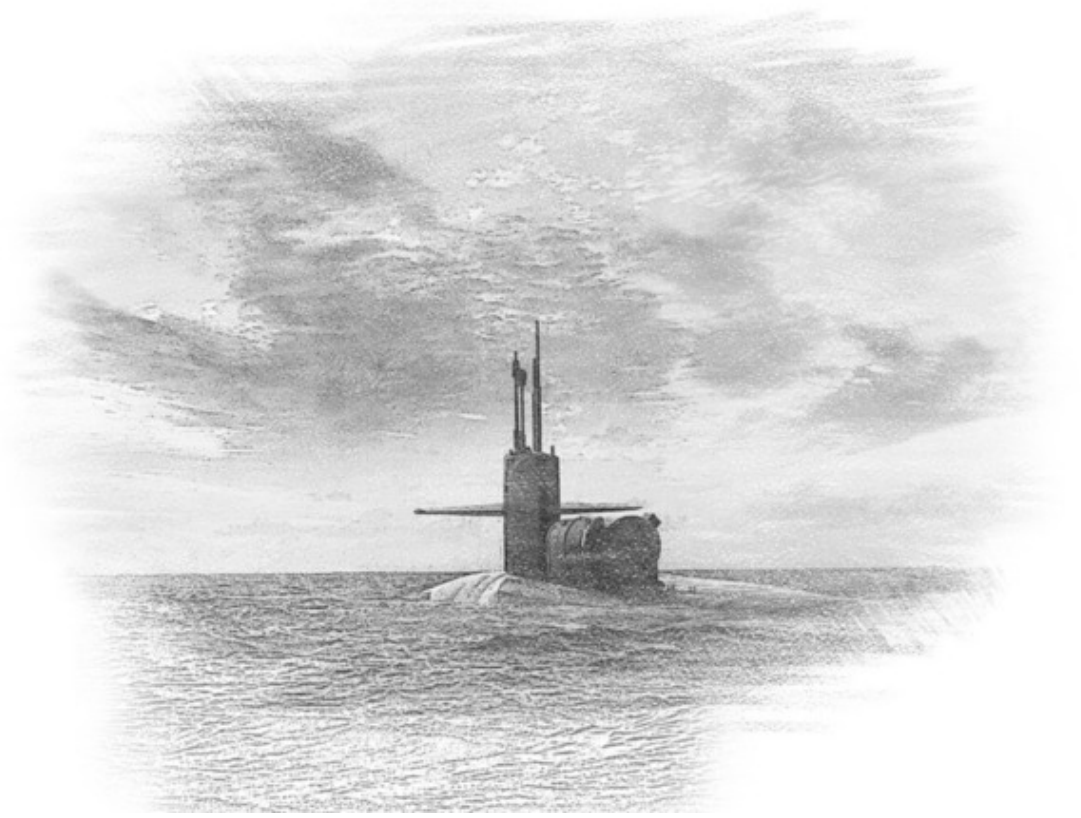
Наслаждаясь ароматом пихтовой подстилки и теплотой своего «кокона», я зевнул и от удовольствия поёжился. Но заснуть удалось не сразу. Во-первых, непривычный налёт инея от дыхания стал сразу образовываться на краях спальника, это меня немного насторожило, такого я ни разу не наблюдал. А во-вторых, я услышал непривычный звук. В тайге раздавался какой-то треск, напоминавший звук, как будто кололи дрова. Но приятная усталость после трудового дня на стройке у друзей (я помогал семье Ахнафа построить к зиме дом) всё же дала о себе знать, и в конце концов я сладко заснул. Конечно, если бы посмотрел на градусник, который висел на маленьком фанерном домике у Ахнафа и Лены, то, наверное, остался бы заночевать там со своими друзьями. Отметка на термометре, как потом выяснилось, уже показывала минус десять, а был только вечер.

В континентальном климате, при большой разнице в суточных значениях температур воздуха, при таком показании термометра вечером, под утро должны ударить трескучие морозы. Ах, если б я знал связь между звуком, раздававшимся в тайге, с резким понижением температуры воздуха, то мои действия были бы такими же, что и от увиденного значения на термометре. В лесу, от резко наступившего мороза, трещали деревья, лопалась кора от сока, ещё недавно двигающегося по стволу и от резкого перепада температур, превращавшегося в лёд. Он разрывал кору деревьев, издавая характерный звук. Но я, укутавшись с головой в спальники, посапывая, крепко спал. И если бы не вечерний чай, то проспал бы до утра, но биологические часы сработали, как и подобает, вовремя. Возвращаясь с ближайших кустиков, полусонный я почувствовал, что в лесу как-то стало слишком зябко. За такое короткое время я успел замёрзнуть. Укутавшись в спальники с головой, понял, что до утра мне не уснуть. Только постоянно ворочаясь, можно было как-то согреваться при таком морозе. Благо до рассвета оставалось совсем немного времени. Дождавшись восхода солнца, я быстро оделся и направился, как обычно, к своим друзьям. Мне навстречу из домика выбежала взволнованная Лена, показывая на уличный термометр, на котором стояла отметка минус двадцать три.

В этот день семья Ахнафа въехала в построенный новый дом, где временно и приютила меня. Соорудив себе полог из досок для ночлега почти под потолком, где было самое тёплое место в доме, меня уже не пугал трескучий мороз по ночам, который в конце октября был не редкостью в этих местах.

*этимология — раздел лингвистики, изучающий происхождение фраз и оборотов.

Капитан

Командиру атомной подводной лодки К-444 (проекта 667АУ) с 11.09.82 г. по 27.05.87 г., капитану первого ранга Сергею Николаевичу Осовскому посвящается…

Невысокого роста, крепкого телосложения, с широкими плечами. Высокий лоб переходил в заметную залысину. Лицо его было овальным, с чётко очерченной небольшой бородой, а близко посаженные и широко раскрытые глаза придавали ему необычный облик. На вид ему было около 45 лет.

Его взгляд то останавливался на вас, пронизывая до глубины души, то становился совсем отстранённым. Он говорил, слегка картавя и заикаясь; его речь состояла из коротких фраз. Из-за слегка выдвинутой нижней челюсти мимика была непонятной, и казалось, что он либо не улыбается, либо улыбается постоянно.

Этот человек старался в любом вопросе разобраться досконально. Он был готов долго и нудно рассказывать истории, которые становились интересными, если хватало терпения дослушать их до конца. На вопросы он отвечал не прямо, а завуалированно, начиная совсем с другой темы и подводя вопрошающего наводящими вопросами к ответу.

В любом диалоге, будь то ответ на вопрос, сам вопрос или просто повествование, в его речи всегда на первом месте стояло слово «слушай». Если через некоторое время он замечал, что собеседник не внимает его словам, то периодическая вставка между предложениями «ну ты послушай» становилась неотъемлемой частью его речи.

За внешней строгостью скрывался наивный добряк, готовый всегда прийти на помощь. От этого маленького человека исходила какая-то сила, чувствовалась железная воля. Несмотря на его своеобразную манеру общения, рядом с ним было комфортно, а в большинстве случаев

даже весело. Он был скромен и не выпячивал себя, несмотря на некогда имевшийся весомый социальный статус в обществе.

И это всё о нём.

Прошу не путать с названием одноимённого шестисерийного художественного фильма, снятого в 1978 году по одноимённому роману Виля Липатова.

Наш герой не Женя Столетов, которого в фильме сыграл прекрасный актёр Игорь Костолевский, а человек совсем другого ранга. В прямом смысле ранг у него был первый.

Знакомьтесь: капитан первого ранга, командир атомной подводной лодки К-444 проекта 667А, а сейчас уже в отставке, Сергей.

Он уже не бороздит просторы Атлантики на своей субмарине, приводя в ужас от одного только своего появления флотилии натовских стран, уже не пронизывает его ледяной северный ветер, когда он спускался по трапу на пирс, возвращаясь с долгого похода домой, уже не отдаёт приказы своей сплочённой команде: «Готовсь к погружению». Ушли его героические 80-е, пришли 90-е.

Сергей, выйдя на заслуженный отдых, поселился в Москве, на проспекте Вернадского. Поначалу жизнь его вполне устраивала, но постепенно он начал задаваться вопросом о смысле своего существования. Неужели вся его жизнь сводилась к тому, чтобы пугать американцев ядерными боеголовками?

И вот однажды он обрёл ответы на вопросы, мучившие его долгие годы. Что такое человек? Что такое душа? В чём смысл этой жизни? Почему так много на земле учений и религий? Куда идёт человеческая цивилизация?.. Духовные искания привели его к учению, которое предоставило ему исчерпывающие ответы на все вопросы. Мировоззренческие противоречия исчезли и как, пазлы, сложились в одну целостную картину бытия. Он оставляет свою просторную квартиру в Москве на проспекте Вернадского и отправляется в глухую тайгу, в предгорье Восточных Саян, где начинается строительство Города Солнца и закладываются основы новых общественных отношений, основанных на любви, заботе и бескорыстной помощи друг другу. Закладывается основа будущего бесконфликтного общества.

Сергей поселился в деревне, ближайшей к строящемуся городу Солнца. Купил заброшенный участок, на котором стоял деревянный вагончик. По весне он с энтузиазмом огородника начал осваивать этот клочок земли в двадцать соток у самого леса. Также энергично стал постигать плотницкое и столярное дело, необходимые в деревенской жизни. Обладая железной волей, он не пасовал перед трудностями новой жизни. В любом непривычном для него деле старался разобраться досконально и решить для себя поставленную задачу.

Сергей не только осваивал свой участок, но и принимал самое активное участие в коллективных мероприятиях.

Эта лесосека была необычной: здесь не было привычных огромных лесовозов, не раздавался душераздирающий рёв трелёвочников и тракторов. Лишь две бензопилы жужжали на некотором расстоянии друг от друга.

Двое молодых людей, словно опытные вальщики, уверенно подсекали деревья, которые стояли на их пути. Периодически по тайге разносился грохот от падающих стволов, отражаясь хлёстким эхом. За каждым вальщиком шла команда мужчин, которые обрубали сучья и расчищали завалы.

Казалось, что тайгу косит огромный великан. Лес, словно проходя сквозь какой-то портал, превращался в груду поваленных деревьев. Мужчины из соседних деревень помогали жителям города Солнца осваивать участки, расчищая их от леса для будущих огородов и садов.

Сохранив традицию с советских времён великого почина, такими наездами-субботниками собратьев с соседних деревень удавалось сделать большие прорывы в таком сказочном преобразовании местности.

В этой тёплой, дружеской компании и оказался наш герой.

«Слушай», — как обычно, начал Сергей свой рассказ, обращаясь к своему другу Володе, сделав паузу в работе, оперевшись на свой длинный топор. Володя посмотрел на товарища, дав понять, что он весь во внимании, но продолжал работать, обрубая сучки.

«Базировались мы в бухте Баренцева моря, — продолжил свой рассказ Сергей, -до Мурманска более 300 км. Подняли нас, как всегда, по тревоге перед выходом в поход. Боекомплект с атомными боеголовками загружен, экипаж и все системы готовы к выходу в море. Жду приказ, чтобы отшвартоваться. Вдруг на пирс подъезжает чёрная «Волга», командира срочно в штаб. Еду на аэродром. Самолёт уже готов к вылету. Лечу один. Аэропорт. Москва. Чёрная «Волга» к трапу. Едем на Малый Харитоньевский переулок, где раньше находился главный штаб ВМФ. Чуть ли не бегом в здание. Мраморная лестница. Приёмная. Обо мне доложили. Жду. Минут пятнадцать посидел. «Заходите, товарищ капитан первого ранга», — отчеканил адъютант. Резные двери из красного дерева. Кабинет огромный, длинный стол для совещаний, в конце буквой Т стол командира. За столом сам. Стою жду. Минута — молчание. «Как-то странно он сидит», — подумал я. Ещё минуту постоял, пригляделся, ба, да он спит. Высокопоставленный пожилой офицер, уютно расположившись в кресле, тихонечко посапывал. Ну я подошёл на цыпочках, жду. «Кхе-кхе», — кашлянул я, ноль эмоций. «Товарищ адмирал», — прибавил я голоса. Адмирал очнулся. Как будто и не спал. «А, это ты, Осовский». Он остановил меня, готовящегося доложить по форме. «Задание ясно? Осознаёшь всю важность похода?» Почти скороговоркой спросил мой командир. «Так точно», — выпалил я. «Ну, в общем, счастливо тебе, удачи» и протянул руку для рукопожатия. Пожав руку, я отчеканил: «Служу Советскому Союзу». И понял, что кивок адмирала означал: приём закончен. Я развернулся и вышел из кабинета. Дверь за мной закрыл адъютант. Я ещё стоял несколько минут в приёмной в раздумье. Неужели никаких секретных инструкций или изменений кодов радиосвязи или нового шифра радиолокационных опознаваний? Вот так просто? Но делать нечего, опять чёрная «Волга». На скорости в аэропорт. Самолёт тут же, Мурманск. Чёрная «Волга» к пирсу, где уже заждалась в боевом оснащении моя подлодка. Вот такая история, а ты говоришь, «секретный поход».

«Прям анекдот», — сказал Володя и заулыбался, отмечая про себя умение друга рассказывать забавные истории с серьёзным выражением лица.

Взяв после отдыха топор, Сергей, не торопясь, делая значительные паузы, основательно продолжил обрубать сучки у пихты.

С тех пор прошло много времени. На месте, где некогда росли берёзы, осины, пихты и ёлки с кедрами, сейчас освоены огороды, в садах растут яблони, груши, сливы и даже абрикосы. Аллеи и парки украшены декоративными деревьями. Всё это сделано практически вручную. И частичку своего труда в этот цветущий город-сад отдал Сергей, некогда командир атомной подводной лодки, бороздивший на своей субмарине просторы мирового океана.

P.S. В парке на скамейке сидел одинокий старичок. Он опирался подбородком на скрещённые руки, лежащие на трости, и смотрел на цветущую яблоню, которая росла напротив через дорожку. Ветви яблони широко раскинулись, наполняя воздух нежным ароматом. Лёгкий ветерок колыхнул ветви, как будто яблонька приветствовала пожилого мужчину.

«Ну вот, теперь жизнь прожита не зря», — подумал старик. Слёзы увлажнили его глаза. Он тяжело вздохнул и встал. Прихрамывая, опираясь на трость, капитан медленно побрёл по цветущей аллее, унося с собой свои воспоминания. Это был его последний «субботник» в Городе Солнца.

Бондарь

Памяти Игоря Крома (Раннара), жившему в д. Жаровск с 1997 по 2020 гг., поэту и сказочнику, бондарю и учёному-самоучке, посвящается.

Часть первая. Бондарь

Памяти Игоря Крома (Раннара), жившему в д. Жаровск с 1997 по 2020 гг., поэту и сказочнику, бондарю и учёному-самоучке, посвящается.

На дворе стоял апрель месяц. Зелёная травка начинала уже пробиваться маленькими прогалинами, несмотря на то, что кое-где ещё оставались островки снега. Повсюду слышалось щебетание птиц. В воздухе пахло талой водой, просыпающимися деревьями и приятными воспоминаниями. Весна входила в свои права.

Через небольшое окно в старой деревянной раме сквозь ветки сирени с набухшими почками струился полуденный солнечный свет, выделяя трещины и потёртости на многократно перекрашенных половых досках. В углу стояла небольшая кирпичная печка, отдавая тепло от ночной протопки. Низкий потолок нависал неотёсанными досками. Грубо обработанные брёвна стен дышали новизной, их только что помыли. В старой времянке, оставшейся в наследство от староверов, стоял аромат ладана, словно в храме. В углу располагался алтарь, на полке лежало Священное Писание, горела свеча. В центре времянки на коврике сидел человек, своей позой олицетворяя внутренний покой и умиротворение.

В тишине и безмятежности маленькой избушки наш герой погрузился в воспоминания о своей жизни. Он вспомнил время детства и юности в Купчино в своём родном Санкт-Петербурге. Вспомнил, как они с супругой переезжали сначала в село Журавлёво, а потом в эту таёжную сибирскую деревню со звучным названием, достойным города-Жаровск, где нет электричества, где до ближайшей остановки 12 километров, от которой автобус ходит раз в сутки в райцентр, расположенный в 102 километрах. Где течёт горная река, беря своё начало в снежных вершинах хребтов Восточного Саяна, с которой можно пить чистейшую воду; где он прогуливался по лесу, который начинался сразу за участком, собирая свои любимые грибы.

Как будто бы из прошлой жизни выдёргивались пласты воспоминаний и, архивируясь в мгновенья, проносились молниеносно в сознании.

В памяти всплывали воспоминания о том, как в Журавлёво на огороде выкопал уторник — специфический инструмент бондаря, будто своеобразный знак о том, каким ремеслом заняться в деревне. Как неделю он ходил смотреть на работу местного мастера-бондаря Петра Ивановича Сковороды. Потом и сам начал пробовать. Как это было очень даже непросто, особенно при отсутствии навыков работы с каким-либо инструментом, кроме лопаты. Средств не было, но с Божьей помощью потихоньку как-то появлялся неказистый, но всё же материал для работы, инструмент подбирался, книжка была хорошая, подробная. Много было приложено усилий, нервов. Пробовались разные идеи, способы работы, оттачивались навыки. Как уже в Жаровске начал делать, кроме традиционных бондарных изделий — бочек, кадок, ушатов, ещё и кедровые ванны, сначала небольшие, а потом весьма приличные, на полтонны воды. Как он многим передавал своё мастерство. Обеспечивал, благодаря ему, свою семью, хоть и небольшими средствами, но достаточными к существованию в сельской местности.

Нашего героя зовут Игорь. Но в этой, ему уже ставшей родной, небольшой таёжной деревеньке, все его знали под именем Раннар.

Взяв с женой сказочные имена Лунный Огонь и Звезда Странница, в переводе на эльфийский — Раннар и Раэнэль, они также дали своим сыновьям необычные имена Орнальд и Дилирион. Богатая фантазия пронизывала волшебством повседневную жизнь и прорывалась наружу чудным творческим выражением в виде прозы в жанре фэнтези и хоррор-литературы, в виде лирических стихов и песен, в виде всевозможных игр в семье и в кругу друзей. И в маленькой сибирской деревеньке своей сказочной жизнью засияли Огонёк и Звёздочка, уменьшительно-ласкательно — Нара и Эле.

Добряк по натуре, Раннар был принципиален к себе и к людям. Идеалист и романтик, тонко чувствовавший природу и ранимый в отношениях с людьми. Некий такой, в хорошем смысле, фарисей-законник. Порой был категоричен в своих взглядах. Досконально, даже дотошно пытавшийся разобраться во всём, будь то профессиональное мастерство или личные отношения.

Так что же делал наш герой в этой маленькой времянке?

14 апреля люди, приехавшие так же, как и Раннар, на эти земли и расселившиеся по близлежащим деревням от строящегося города Солнца, отмечали организованный праздник весны. И в этот день зажигали священный огонь в этом необычном городе. А потом разносили его по деревням, где он и хранился какое-то время. В той деревне, где жил Раннар, не было ещё на тот момент ни храма, ни даже часовенки. Приспособили времянку староверов. Её-то и использовали для хранения священного огня.

Задумчиво, вспоминательно, мечтательно, размышлятельно сидел наш герой в этой старой времянке. Как вдруг раздался треск, как гром среди ясного неба, -пол начал уходить из-под ног. Раннар на мгновенье ощутил себя в невесомости, будто разверзлась земля. Но через секунду всё закончилось. Очнувшись от первого шока, по боли в коленках и по пыли в помещении, а в большей степени по тому, что окно стало почему-то гораздо выше, Раннар понял, что под ним провалился пол. Старая балка уже была трухлявая и, не выдержав веса человеческого тела, именно в минуты глубоких воспоминаний переломилась пополам. Пол резко опустился на полметра ниже, чем был. Свеча упала и погасла.

Кашлянув от поднявшейся пыли, он осознал, что не сохранил священный огонь, ему доверенный. Первая мысль Раннара была: «Я настолько грешен, что и огонь у меня потух таким способом». Какие только мысли самобичевания не лезли в голову. Но, успокоившись, он пошёл искать хозяина времянки, чтобы сказать неприятное известие. Конечно, потом каждый житель деревни задумался, что он не так сделал, что стало причиной погасшей свечи. Такое вот бывает. Случилось неизбежное. Возможно, был просто знак, чтоб все жители деревни были более внимательнее на избранном пути. Ну что ж, как говорится, бывает, попал именно он в то время и в то место. Это не единственный курьёзный провал в жизни нашего героя. Другой случай достоин отдельного рассказа, но это чуть позже.

Часть вторая. О грибах

В лесу стояла утренняя прохлада. Солнце еле пробивалось сквозь густой лапник ёлок и пихт. Аромат хвои перемешивался с запахами от старых пней, покрытых мхом и лишайниками. Только хруст веток под сапогами двоих грибников нарушал тишину девственной тайги. «Папа, папа, смотри, что я нашёл!» — закричал восторженно сын своему отцу. Нара подошёл к находке и со своим сыном Орликом разглядывал ничем не примечательный гриб. Другие бы грибники прошли мимо, может, кто-то и сковырнул бы его невзначай, как поганку, но только не наш герой. Из пня торчал на тонкой ножке с увенчанной пиалообразной шляпкой чёрный гриб с еле выраженным фиолетовым оттенком. Кто бы мог подумать, что эта находка вызовет сенсацию в учёном сообществе микологов.

Наверное, мало кто знает, что такое микология. А что такое грибы, знают все. Микология — это наука о грибах. Наш герой был не просто заядлый грибник. Он ещё в условиях сибирской деревушки смог стать учёным-самоучкой, микологом. Обзаведясь микроскопом, фотоаппаратом, всякими реактивами для исследования, он энергично вторгся в спокойную, не особо активную среду учёных-микологов, оживил это сообщество своим присутствием и неугомонными публикациями фотографий и комментариев на форумах в интернете. Находка, которую они нашли с сыном, произвела фурор в этом учёном сообществе — они открыли новый вид гриба Donadinia sibirica. Что впоследствии подтвердили в лабораториях Испании и Италии. Второй такой гриб был найден в Тюменской области два года спустя. Авторство описания этого гриба принадлежит Игорю Крому (нашему герою). Это гриб занесли в Красную книгу РФ Красноярского края.

Вклад в сохранение уникальной природы предгорья Восточных Саян он внёс ещё тем, что благодаря его усилиям был создан микрозаказник в Курагинском районе Красноярского края. Надо сказать, что вся деревня ходила к нему за консультациями, как к опытному грибнику.

В общем, лес для нашего героя был родным домом. Раннар умел с ним общаться, как будто он был неким духом этой стихии. И сам был похож на какого-то упитанного доброго гномика с большими глазами и широкой улыбкой. Таким он мне и запомнился: добродушный сосед и надёжный товарищ Нара.

Однажды в очередной раз он пошёл в лес по своим заветным грибным местам. Там он и ушёл из этой жизни. В возрасте пятидесяти одного года у него остановилось сердце. Именно так, наверное, он и мечтал уйти.

Заявки на его бондарные изделия приходили ещё год после его ухода. В последнее время ему было интересно делать мебель в бондарной технике: табуретки, пуфы, тумбочки, столы. Это был реальный эксклюзив, которого не делали в России, а может, и в мире, на тот момент. Может, и сейчас не делают

Небоскрёб

В традиционном понимании, как это записано было раньше в Большом энциклопедическом словаре, а сейчас в современных онлайн-энциклопедиях, таких как Википедия, небоскрёб определяется как чрезвычайно высокое многоэтажное здание, оснащенное несущим каркасом, выполненным из стали, бамбука, железобетона или композитных материалов, предназначенное для проживания и трудовой деятельности людей, но я поведаю вам историю о небоскрёбе, который совершенно не соответствовал этому классическому определению. Став центральным персонажем этого рассказа, он засвидетельствовал разнообразие уникальных событий, отразивших пересечение множества человеческих судеб.

Для апреля месяца стояла непривычная погода. Небо было затянуто плотными облаками. Шёл лёгкий снег, ложась на землю, он тут же таял. Несмотря на хмурую погоду, возле маленького домика энергично, весело и дружно кипела слаженная работа. В городе Солнца традиционно шёл субботник. Взвизгивал гвоздь, под напором гвоздодёра выходивший из обрешётки крыши, колотил молоток по печке, отбивая очередной кирпич, топор высаживал косяк двери, бензопилой подрезались стропила, скидывались брёвна верхних венцов сруба, поднимая пыль от глины потолочного перекрытия.

Разбирали старый дом, отслуживший свой срок, освобождая место современным постройкам.

На крылечке дома, рядом с местом, где велась активная работа по разборке старого строения, сидела хозяйка соседнего участка Лена-улыбчивая девушка, уже 15 лет живущая с мужем и детьми в городе Солнца.

Ей вспоминалось, как когда-то давно она останавливалась на три дня в доме, который сейчас разбирали. Почти у всех, кто участвовал в субботнике, были свои воспоминания, связанные с этим домом. Ислам, скромный, немногословный башкир, переехавший из Магнитогорска, был одним из тех, кто начинал строительство; тогда ему было 45, и сейчас несмотря на почтенный возраст участвует в каждом субботнике. Он вспомнил, как ночевал в этом домике три ночи. Миша, переехавший из Хабаровска с семьёй, практически одним из первых ставший жителем города, освоив мастерство печника, сложив не один десяток кирпичных печек для горожан, вспомнил, что в этом домике когда-то клал кирпичную печку, заменяя ей буржуйку. Веселин, архитектор и фотограф из Болгарии, вспомнил одну забавную историю, как одна женщина поздно вечером, летом возвращалась со дня рождения от друзей и в темноте заплутала в лесу, не заметив этот домик. Боясь уйти глубоко в тайгу, она заночевала на пенёчке, а утром с рассветом её взору предстал домик-небоскрёб. Что называется, не дошла несколько шагов. У всех были свои воспоминания.

Талантливый режиссёр и актёр Михаил Казаков в экранизации своего фильма по одноимённой пьесе Леонида Зорина «Покровские ворота» как нельзя лучше передал состояние приятной ностальгии по ушедшим временам, перекликая кадры настоящего времени, когда сносили дом в московском дворике огромной чугунной «бабой», прицепленной тросом за экскаватор, с сюжетами из жизни квартирантов двадцатилетней давности в этом самом доме. Вот и у старожилов-первопроходцев при виде поднимающейся пыли от падения брёвен сруба поднимались в памяти воспоминания о мгновениях жизни, связанных с этим домиком, которому сразу подошло название «небоскрёб».

Это была маленькая избушка, основание первых венцов которой (три на три метра) расширялось кверху в высоту полтора этажа. Из-за своих непропорциональных размеров она выглядела как каланча. А ещё представьте острую двускатную крышу. Вот и получается, что среди дремучего леса этот дом выглядел очень высоким, как будто небоскрёб. Тогда, в 90-х

годах прошлого века, в глухой тайге в предгорьях Восточного Саяна, когда только разворачивалось строительство уникального поселения, он был вторым возведённым домом для круглогодичного проживания в черте города.

Трое друзей-Олег, Витя и Володя, -построившие небоскрёб, так и не пожили в нём. Окончив в ноябре стройку, они уехали зимовать к себе домой в большие города, а потом, вернувшись, поселились в соседних деревнях. И чтобы домик не пустовал, пожить и присмотреть за ним пригласили меня; я и стал первым жителем в этих шикарных апартаментах. Нет-нет, вы не ослышались, и кавычки даже не ставлю. В том месте и в то время для одного человека это были действительно шикарные апартаменты. Сруб три на три метра расширялся к высокому потолку, маленькая буржуйка стояла посередине между двумя настилами из досок, которые могли служить одновременно и скамьями, и кроватями. Вверху под потолком также были широкие настилы из досок. Входом служила маленькая дощатая, почти квадратная дверь, а напротив было окошко со столиком под ним. В общем, шикарный вагон люкс. В то время из ближайшей деревни пришла помогать по хозяйству в этот домик девушка Юля, переехавшая вместе с родителями и сестрой из Алма-Аты. Скромная и трудолюбивая, она готовила пищу, топила печку, чистила от снега тропинку. В общем, выполняла обычные обязанности по дому в глухой тайге, в маленькой избушке без электричества и каких-либо коммуникаций, где рядом не было источника воды (топили снег) где по ночам стояли трескучие морозы под сорок градусов. Ей было тогда 14 лет. Через две недели Юля уступила место своей общительной и энергичной сестре Оле, которая была на два года старше.

В первые годы дети переселенцев, подростки, помогали своим родителям в таких непростых условиях, порой заменяя взрослых в каких-то важных делах.

Одним прекрасным вечером после работы в небоскрёбе собралась весёлая компания.

«О, ну у вас и жара», — ввалившись в избушку, сказал Сергей, энергичный, разговорчивый юноша, приехавший из города Нерюнгри. Вокруг буржуйки на полатях сидели, теснясь, молодые люди. У одного в руках была гитара. С верхнего яруса свисали чьи-то ноги. Поняв, что место свободное только на верхней полке, Сергей с ловкостью обезьяны сиганул на второй ярус, свесив ноги чуть ли не на голову гитариста. Ударив пальцами по струнам, Дима, душа компании, задорно продолжил исполнение своего репертуара: «Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету…» Тут же известную всем песню Энтина и Гладкова подхватили остальные.

После трудового дня в этом крохотном домике частенько собиралась тёплой душевной компанией молодёжь с ближайших строек. Знакомились, пели песни, рассказывали истории. Было тесно, тепло и уютно. А вдобавок ещё и жарко, приходилось часто открывать дверь на улицу, несмотря на мороз. Дверь была очень низкой, квадратной формы, и людям приходилось наклоняться, чтобы войти, так тепло сохранялось дольше в доме.

«Ну вот, опять о тайге», — сказал Сергей, тот самый шустрый и самый задорный в этой компании, перефразировав фразу Робинзона Крузо из известной итальянской комедии «Синьор Робинзон», когда тот сделал воображаемый экран и смотрел один и тот же фильм «опять о море». Проём открытой двери в небольшой стене действительно напоминал экран. На несколько минут шумная компания замолкала, и все заворожённо смотрели в дверной проём. Невероятная сказка с загадочной тишиной вставала перед зрителями этого необычного кинотеатра. Луна освещала кроны величественных кедров и разлапистых пихт, отбрасывыя на искрящемся снегу их причудливые тени. Сквозь ветки на тёмно-синем бархате неба проглядывались немногочисленные мерцающие звёзды. Воздух был тих, прозрачен и свеж. Ощущалась сама вечность в этом величии тайги.

Из уголков сознания память вытаскивала воспоминания и прокручивала как документальные кадры из своей жизни.

Заканчивался субботник. Выглянуло солнышко. Мужчины перекусили горячим чаем и вкусной пиццей с начинкой из капусты и грибов, приготовленной Таней. Она переехала сюда из Липецка тридцать лет назад и почти всё это время живет в городе со своей семьёй, занимаясь хором и детьми в школе.

Ровная площадка после сноса дома выглядела непривычным пустырём на месте недавно стоявшего здесь домика.

В ближайшем будущем этот домик послужит ещё людям своими материалами от стен сруба и крыши: где-то навесом, где-то пристройкой, а где-то и дровами, отдавая тепло вместе с теплотой сердец тех людей, которые жили в этих стенах. Подбросив в печку очередную охапку дров, новые жители города Солнца вряд ли задумаются, откуда эти дрова, но почувствуют, что как-то уютнее стало в доме, как-то хорошо и благостно идёт тепло от печки. И поднимется в воздух дымок, глядя сверху на прекрасный город-сад, раскинувшийся среди девственной тайги, вспоминая, что когда-то он был брёвнами избушки под названием «небоскрёб».

P.S: в рассказе упоминаются жители города Солнца и принимавшие участие в его строительстве: Олег Килимбей (Сочинский), Володя Овсянников (Сахалин), Витя Баланцев, Лена Сучкова, Сергей Викулов, Женя Корягин, Юля и Оля Полковниковы, Дима Мельник, Миша Марковский, Ислам Мусин, Таня Маркелова, Веселин Даов.

Использованы материалы из видеоролика Гены Семёнова «Как мы разбирали небоскрёб».

Экстрим поневоле

В нашей жизни можно выделить всего два вида экстремальных ситуаций: экстрим, возникающий в результате стечения непредвиденных обстоятельств, и осознанный экстрим. Порой грани этих видов размыты, но тем не менее вы либо попадаете в них случайно, как бы поневоле, причины разные: неопытность, глупость, недостаточная информированность или даже проявление бравады; либо идёте на экстрим осознанно, который представляет собой результат целенаправленного выбора, продиктованного внутренними мотивами. К ним могут относиться служение высоким идеалам, глубокая вера в нечто значимое или стремление к самосовершенствованию через преодоление трудностей.

Как вы поняли из названия, я не буду описывать вторую категорию, к которой относились события в предгорьях Восточных Саян 83 года назад. В те далёкие военные годы разворачивалась драма экспедиции по изысканию железнодорожного пути Абакан — Тайшет под руководством инженера Александра Кошурникова. От одной только его записи на полях сметы замирает сердце: «Немногочисленные экспедиции, которые проходили Центральные Саяны, всегда сопровождались человеческими жертвами — в порогах, при сплаве на плотах, при переправах через реки, в горных обвалах и лавинах». Экспедиция в 1942 году с талантливым советским инженером и двумя его молодыми помощниками, инженерами-техниками Алексеем Журавлёвым и Костей Стофато, оборвалась трагически. Мурашки идут по коже, и слёзы на глазах наворачиваются от прочтения дневника мужественного инженера страны Советов Александра Кошурникова. Много лет прошло с тех пор, и лишь названия станций на железной дороге и улиц в городах напоминают сейчас об этих героях.

Человек современный далеко продвинулся в плане обеспечения себя минимальными условиями для жизни в девственной тайге. Тем не менее история, свидетелями которой вы сейчас окажетесь, достойна описания в приключенческих рассказах о старателях* самого Джека

Лондона. Забегая вперёд, скажу сразу: в нашем случае никто не пострадал. Итак, всё по порядку.

У подножья горы Сухая (на местном наречии — Сухья), а по виду это просто большая сопка, возвышающаяся над уровнем моря на 700 метров, в середине 90-х годов прошлого века начали возводить город Солнца. Приехавшие из городов России и из-за рубежа люди воплощали мечту и чаяния всего человечества на маленькой территории юга Красноярского края.

Что же из себя тогда представляло это поселение.

Эпитет «город» в данном контексте рассматривался скорее, как метафорическое обозначение, нежели как реальный урбанистический объект. Представьте себе, что в радиусе полутора километров в девственной тайге практически вручную рубились срубы из брёвен, что давал лес. В первые года строящихся домов было немного. Люди объединялись в небольшие группы, помогая друг другу возводить жильё. Приходили люди из близлежащих деревень помогать, именно приходили. В то время была только пеше-конная тропа, ведущая в это поселение. Так же приезжали помогать и люди из крупных городов, участвуя в рождении этого уникального нового города. Хотя стройплощадки и находились недалеко друг от друга, их разделяли участки с непроходимой тайгой, и соединялись они еле заметными тропинками. Порой и докричаться до соседей было трудно: лес с его разнообразным рельефом местности глушили звук.

Так вот, наш герой по имени Станислав приехал из большого города, а точнее из культурной столицы, Санкт-Петербурга, и тут же очутился в этой сказочной атмосфере. Аромат леса, новые знакомства, вечером песни под гитару у костра. В общем, романтизм комсомольских строек советского периода приобрёл здесь второе дыхание. За чертой города находилась пилорама, которая состояла тогда из одной бензопилы, прикреплённой на раму, там же был и лабаз*, где хранились продукты. И рядом под открытым небом лежали разные вещи, привезённые вьюком* на лошадях (тогда летом это был единственный вариант доставки грузов), предназначенные для жителей города, которые постепенно разбирали их к себе на участки. Из всех хозяйственных принадлежностей, не считая топора и двуручной пилы, наверное, на третьем месте был полиэтилен. Да-да, именно полиэтилен. Он был незаменим для строительства навесов, которые ставились над палатками, временными кухнями, вещами. Он защищал не только от дождя, но и от холода. Как, спросите вы? Да вот так. Ставили каркас из брусков, обтягивали полиэтиленом стены внутри и снаружи, а простенок засыпали опилками. Вот вам и домик. Таким способом многие семьи строили себе временное жильё. А в одном даже смогли прожить аж десять лет. В общем, вы поняли, что полиэтилен был на тот момент самый что ни на есть расхожий материал, и его в город старались доставить как можно больше, перекинув рулоны на вьючные* сёдла лошадок.

Устав от суеты городской жизни Стас, с превеликим удовольствием, окунулся в совершенно другую атмосферу, ему до сего дня непознанную. С бравым энтузиазмом он выполнял любые поручения на стройке, куда его распределяли. На каждом строящимся объекте был старший организатор.

«У нас остался кусок от навеса, а ребятам там не хватило, будь добр, отнеси вон туда, к Саше на участок», — сказал старший по стройке, обратившись к нашему приезжему с просьбой отнести остаток от рулона полиэтилена на соседний участок. Для тех, кто работал там постоянно, эта просьба не вызвала бы вопросов. Вроде, не возник вопрос и у нашего героя. Направление, куда идти, было показано, туда вела малозаметная тропинка. До участка Саши всего нужно было пройти метров триста через лес. Кругом были люди, раздавались удары топора, вдалеке работала пилорама. И он, не задавая уточняющих вопросов, посчитав что за три дня, исходил здесь всё вдоль и поперёк, с лёгкостью закинув остаток рулона на плечо, бодро зашагал в нужном направлении.

Было лето, комариная пора уже прошла. Идти было легко и вольготно, несмотря на то что он где-то наступал на мокрый мох, где-то перелезал через поваленные деревья, обросшие лишайником. Ноша не тяготила, он её практически не ощущал. Наслаждаясь прекрасной погодой, вдыхая целебные фитонциды от многовековых кедров, слушая переливы лесных птиц и щурясь от проступающего сквозь лапник пихт и ёлок и листву берёз и осин полуденного солнца, Станислав с улыбкой на лице и счастьем в душе энергично шагал по еле заметной тропинке к соседнему участку.

Вдруг он остановился. Его внимание привлёк странный звук, доносившийся со стороны большой сосны, которая росла недалеко от тропинки. Звук был похож на то, как будто бы где-то неподалёку работала какая-то дробилка, прищёлкивая, посвистывая и повизгивая. Стас, не выпуская рулон из рук, направился к сосне.

Подойдя ближе, он увидел нечто странное: от ствола почти по всей высоте разлетались чешуйки коры, ветки колыхались, хотя ветра не было, и раздавался треск, с пронзительным писком. «Сосна сошла с ума», — мелькнула первая мысль в сознании, которую он тут же отогнал как несостоятельную, но больше никаких мыслей, объясняя этот феномен, к нему не приходило. И лишь спустя несколько секунд, когда он внимательно присмотрелся к сосне, то понял, в чём дело. Его взору представилась картина, которую он ни разу в жизни не видел и, наверное, никогда больше не увидит.

Дело в том, что у нашего приезжего, как и у большинства людей, представление о белках укоренилось как о милых существах, которых в лесопарках можно покормить с ладошки. Но то, что Стас увидел на сосне, ломало его стереотип об этих созданиях. Дрались две белки. Причём одна была чёрная, другая рыжая. Он смог их разглядеть, когда они в погоне друг за другом по стволу и по веткам останавливались на пару секунд. Это была бесконечная беготня, глаз не улавливал их стремительный бег вверх-вниз по дереву. Хвоя и кора разлетались во все стороны, как от пескоструйного аппарата, ветки судорожно дёргались, слышались треск и писк. Лишь спустя пару минут воцарилась тишина. Рыжая перемахнула на соседнее дерево, а чёрная, пристроившись на стволе, растопырив лапы, смотрела своему сопернику вслед. Видимо, эта схватка была за территорию, за эту огромную сосну, где в нелёгкой битве победителем оказалась чёрная. Потрясённый от увиденного наш герой ещё несколько минут стоял неподвижно рядом с деревом.

«Ух ты, будет что рассказать, когда приеду домой», — подумал он, даже не предполагая, что впереди его ждут ещё более захватывающие приключения, которые по накалу страстей затмят это, казалось бы, невероятное явление. Вспомнив, куда и зачем он шёл, Стас продолжил путь. Пройдя несколько шагов, он понял, что, подходя к сосне, свернул с еле заметной тропинки и теперь идёт просто по лесу. Несколько смущённый, он остановился и попытался вспомнить, с какой стороны подходил к сосне. Вдалеке раздавались еле слышные удары топора. Станислав сообразил, что они были за спиной, когда он вышел из своего лагеря, и уверенно пошёл вперёд.

Яркая картинка с оголтелыми белками ещё не уходила из его головы. Особенно его поразила чёрная белка, которую в этих местах встретить большая редкость. К сожалению, тогда ещё не было технологий, чтобы легко запечатлеть эту вакханалию маленьких пушистых зверьков. Занятый мыслями о белках, наш герой не заметил, как прошёл расстояние гораздо большее, чем полагалось до соседнего участка. И только почувствовав, что идёт уже довольно долгое время, а стройки ещё не было видно, он понял, что отклонился от маршрута и прошёл мимо участка, углубляясь всё дальше и дальше в тайгу. Особо не беспокоясь, Станислав развернулся и пошёл в обратном направлении, надеясь, что ориентируется правильно. Пройдя с полчаса, уже не очень хорошая мысль начала посещать его голову. Поначалу он пытался отгонять её, но она настойчиво, упорно пролезала, как змея в расщелину, в его мозг. И наконец развернулась в огромный лозунг, который занял всё его сознание: «Я заблудился.»

Даже бывалый таёжник, зная местность и ориентируясь по солнцу, понимал, что выйти из тайги не так-то просто. А наш герой не то, чтобы не знал местности, но и ориентироваться по солнцу толком не умел, тем более он не запомнил, в какой стороне оно было, когда он начал свой поход. Отклонившись в сторону от искомого маршрута, Стас сделал крюк по тайге и, повернув якобы обратно, сам не замечая того, опять пошёл по дуге и в итоге оказался очень далеко от строящегося города, а точнее, от немногочисленных маленьких стройплощадок.

Труднопроходимый бурелом чередовался с небольшими полянками, на которых папоротник с осокой сменялись зарослями черники. Сев на поваленное дерево, положив рулон на мох, наш герой серьёзно задумался над своим положением. Вокруг щебетали птицы, солнышко проглядывало сквозь ветки вековых кедров, которые вперемешку с огромными пихтами придавали лесу сказочно-исполинский вид. Немногочисленные поваленные деревья торчали своими сучьями вверх и вниз, как зубья у расчёсок. С них свисал мох, рядом с этим ветровалом кое-где проступали лужи. Смесь ароматов от хвои и мха дурманили голову. Что-то подобное сейчас происходило в голове и у нашего Станислава, дурман был не столько от запахов тайги, а скорей всего от того незавидного положения, в котором он оказался. Понимая, что не так уж и сильно отошёл от лагеря, наверное, километра два-три, он попытался кричать в надежде, что его кто-нибудь услышит. Но лес и рельеф местности глушили звук.

Вдоволь накричавшись и выбрав направление, Стас зашагал уже неуверенно в сторону, показавшуюся ему правильной. Идти становилось всё труднее, чаще стал попадаться кустарник и большие болотистые лужи. Поняв, что идёт не туда, наш герой опять развернулся и пошёл обратно. Однако ситуация не улучшилась, начались то спуски, то подъёмы, бурелома стало больше, то и дело приходилось перелезать или обходить поваленные деревья.

Всё же он шёл, не понимая куда, периодически меняя направление, и останавливаясь выкрикивал звуки в надежде быть услышанным. На лес опустились сумерки, надо было подумать о ночлеге, не было ни спичек, ни фонарика. Выбрав сухое место возле огромного кедра, чуть размотав рулон и накрывшись полиэтиленом, наш герой долго не мог заснуть, несмотря на усталость. И только когда взошла луна, в полночь, сон одолел его. Этот ночлег был первым и не последним, в его «одиссеи» по тайге.

Как человек ответственный, Станислав неукоснительно продолжал несколько дней носить рулон полиэтилена с собой в надежде, что всё-таки выйдет к лагерю. И только поняв, что главная задача на данный момент выжить и выйти к людям, он оставил эту, уже ставшую непосильной, ношу в лесу, кое-как оторвав от рулона небольшой кусок себе для укрытия. Благо было лето. Несмотря на жару, тень от огромных деревьев сохраняла в лесу прохладу. В этом году был обильный урожай лесных ягод. На полянках росла черника с брусникой. Возле ручьёв попадались кусты с переспевшей чёрной и красной смородиной. Местами встречалась голубика. Питаясь лесной ягодой и утоляя жажду в ручьях, он сохранял способность идти. Страха не было. Не было и паники. Напевая псалмы и творя молитву, он блуждал по тайге. Потеряв счёт дням, изрядно измотанный, практически в изношенных по лесу городских ботиночках, без спичек, и какого-нибудь перочинного ножа, с куском полиэтилена, набившей ягодой оскомину, голодный, но не потерявший надежду он шёл по тайге.

И вот, спустя девять дней, наш герой чудом вдруг услышал звук передёрнутого затвора. «Я здесь, я человек!» — закричал осипшим голосом Стас. Охотники никак не ожидали увидеть такую «дичь». «Хорошо хоть голос подал, а то бы ненароком подстрелили бы, как куропатку», — сказал один из двоих мужчин, опустив ружьё и удивлённо разглядывая нашего героя. Радость была безгранична. Поужинав и переночевав в охотничьей избушке с охотниками, Стас с утра вышел на грунтовую дорогу, где его подобрала машина районного прокурора, оказавшаяся в этих охотничьих угодьях. Вернувшись в родной город, Станислав с удовольствием рассказывал друзьям о своих приключениях в тайге. Его история больше напоминала лекции в школе выживания.

Вот так, оказывается бывает, пойдёшь отнести рулон полиэтилена на соседний участок за двести метров и зайдёшь в тайгу на неделю блуждать по девственному лесу. Что называется, экстрим поневоле.

*старатели-золотоискатели.

*вьюком-пакованная поклажа, перевозимая на спине животного.

*лабаз-помещение для хранения зерна, муки и других продуктов.

*вьючные сёдла-устройство, которое предназначено для крепления на спине лошади позволяющее перевозить грузы.

Мой Герой

Памяти Анатолия Пшенай.

> *«Толенька, друг мой дорогой. Будь благославен!..У тебя получилось оставить светлый след, о котором с почтением будут помнить долго!.. Мира и благости душе твоей!»*
> *из письма Учителя Виссариона*

Есть люди, которые всего несколько раз встречались на твоём жизненном пути. Вы недолго общались, как-то по делам или просто так, на отвлечённые темы: о звёздах на небосклоне или о грибах в осеннем лесу. Но их внутренний мир, их внутренние качества оставляют неизгладимый след в нашей жизни. Эти люди как маленькие солнышки, они входят в твою судьбу однажды тихонечко, когда с ними знакомишься, и никуда не исчезают из твоего сердца, несмотря на то что вы можете не видеться годами. И даже покинув этот мир, они продолжают согревать только лишь от одного воспоминания об их улыбке, об их обаянии, об их доброте, вдохновляя своим примером жизненного пути.

> *«Какую бы сильную боль ни претерпевал Толенька, на его устах всегда была приветливая и доброжелательная улыбка… Есть такое изречение в Библии, слово ЧЕЛОВЕКОЛЮБЧЕ, вот Толенька он стал таким, и я благодарю Бога, что мне позволено было быть рядом с таким удивительным человеком, мужем, другом, отцом и дедушкой. Таким он стал благодаря тому, что однажды, бросив всё, шагнул за Истиной… Мудрый и заботливый, он для меня был опора и защита… Он мой Герой!»*
> *Наташа Пшенай*

Часть первая

С трапа самолёта рейса Лондон — Минск сходил мужчина. Строгая респектабельность с нотками житейской мудрости, под стать внешности Ричарда Гира, и запах дорогого парфюма не оставляли равнодушным пристальное внимание молоденьких бортпроводниц. Майское солнце переливалось на костюме с отливом от Hugo Boss, идеально сидевшем на подтянутой фигуре, и бликами отражалось на вычищенных до блеска туфлях от Zilli. Характерный прищур смеющихся глаз и лукавая полуулыбка тонких губ выдавала счастливое состояние этого обаятельного брюнета. Контракт подписан. Всё идёт по плану. По идеальному плану его жизни: работа, семья, карьера, авторитет, уважение, почёт. Он смог организовать слаженную работу, сродни швейцарским часам, своего предприятия, с количеством работников почти восемнадцать тысяч человек. От его деятельности на должности начальника ремонтно-строительного объединения БЖД республики Беларусь зависело состояние всех железных дорог родной страны. Имея большие полномочия и должность по рангу генерала в гражданской структуре, он входил в кабинет своего министра без приглашения, и никто ему слова не мог сказать. За 25 лет работы не имел ни одного выговора. Он незаменим. Он идеальный начальник, идеальный муж, идеальный отец. Врождённый талант дипломата, личное обаяние и уверенность в собственных силах помогли ему успешно провести переговоры с американскими партнёрами и заключить выгодный договор.

С длительной командировки из Америки, уставший, но довольный, после дальней дороги транзитным рейсом из Нью-Йорка, он возвращался домой, где его ждала любящая жена и сын. Предвкушая встречу с родными, по которым очень соскучился, он ехал на служебной машине домой из аэропорта. Ключи от квартиры не брал с собой. Дверь была заперта, а между дверью

и дверной коробкой находилась записка: «Приходи в дом железнодорожника, я на проповеди» -написала жена Наташа. Несколько удивлённый, выполняя просьбу жены, пошёл на проповедь.

Он не мог даже предположить, что сейчас произойдёт событие, которое в корне изменит его судьбу и изменит его самого.

Дом железнодорожников находился совсем рядом. Зал был переполнен, из-за спин стоящих в проходе людей он разглядел на сцене человека в красном хитоне. Увиденное и услышанное в этом зале стало отправной точкой кардинального изменения его жизненного пути. Казалось бы, у него было всё. Но не было главного, самого основного ответа на вопрос, в чём смысл человеческой жизни, для чего всё это, что такое человек, для чего я живу. Он не задавал вопросы тогда, стоя в проёме дверей зала, но Человек в красном хитоне на сцене давал исчерпывающие ответы на них.

Матрица жизнеустройства человеческого общества иллюзорной маской мнимого благополучия не смогла до основания затмить пробивающиеся наружу искорки восприятия мира духовной основой. В судьбоносных точках на жизненном пути мы способны уловить этот чистый зов сердца и, бережно храня этот огонь внутри, пройти следующий отрезок жизненного пути, идя за путеводной звездой, не сбиваясь с курса, восходя на вершины духовного становления в любви и служении людям.

Он сразу понял, Кто перед ним стоял на сцене ДК.

Часть вторая

Семья начала готовиться к переезду из страны, когда-то воспетой ВИА «Песняры» хитом «Беловежская пуща», с живописными равнинами, густыми лесами, зелёными полями, непроходимыми болотами, с мягким европейским климатом в суровые условия Сибири, в предгорья Восточных Саян. В страну с бескрайними просторами нетронутой тайги, заснеженных сопок, голубых озёр и горных рек. В страну, где зарождался Город Солнца не философско-мифический, а вполне реальный, осязаемый. Туда, где формировались новые общественные отношения между людьми, основанные на любви, заботе и бескорыстной помощи друг другу.

Итальянский мыслитель позднего Возрождения Томмазо Кампанелла свой идеал «Города Солнца» основывал на принципах непогрешимости человеческой природы. Во всей истории человечества были только единичные случаи прорыва в непогрешимость. Остальная же масса только прилагала крохотные старания к изменению себя в праведном устремлении, да и то порой сами жизненные обстоятельства подталкивали к неосознанным усилиям в нужном направлении.

Друзья и родственники сначала не понимали, как можно отказаться от такого уровня жизни, от комфорта, от власти, от денег, от успешной карьеры, где впереди виднелась должность министра, но он понимал, чем он жертвует, и понимал, что он обретает.

По мере того как проявляется истинная суть человека, как раскрывается его душа, все усилия в современном обществе по взращиванию значимости под довлеющим эгрегором соревновательно-состязательского процесса жизнеутверждения ложных ценностей начинают видеться несерьёзными, лишёнными всякого смысла. Главным становятся собственные усилия по достижению гармонии с окружающим миром, гармонии взаимоотношений между людьми, гармонии с самим собой. Начинает проявляться всё истинное в человеке, то, для чего всё-таки был создан человек, его предначертание как уникального творения во вселенной, начинает проявляться его суть как творца любви и красоты.

Трудолюбия ему было не занимать. С первыми лучами солнца подростком выходил он на покосы в родной деревне, взмахом косы пугая лягушек и змей среди кочек в болотной местности. Сено приходилось выносить на сухую землю, порой с полкилометра идя с носилками. После школы был техникум, который окончил с отличием. Затем работа.

Талант организатора и невероятная работоспособность помогли быстро подняться по служебной лестнице. И тихонечко со сменой должностей в структурах власти начало меняться и отношение к человеку как к расходному материалу для достижения цели. Человек в его глазах стал превращаться в винтик огромного механизма его предприятия. Это происходило незаметно, как опасный вирус проникал в мозг, под давлением менталитета статусности в среде успеха.

Но где-то в глубине души жила неудовлетворённость, он интуитивно искал ответы на основные вопросы бытия. Но то, что предлагало современное информационное поле эзотерики, философии и вековые традиции разных религий, не устраивало его ищущий, пытливый ум. Они не давали ответы о сути человеческого естества. Какие-то понимания остались на уровне средневековья, какие-то выглядели слишком непонятными, а какие-то необоснованными и недоговорёнными. И только после услышанного в зале ДК картина мира сложилась в логическую цепочку. Он не только разумом, но и сердцем почувствовал истинность сказанного со сцены.

Тогда ещё там в ДК по окончанию проповеди он задал вопрос тому, кого впоследствии назовёт своим Учителем: «Скажи, что мне делать дальше?»

«Учись не лицемерить», — был ответ.

Несколько смущённый он отошёл в сторону. «Наверное, ошибается. Я же сама открытость. Я не вру».

Впоследствии он начал понимать, из чего состоит, из чего состоит его чувственный мир. Порой мы на автомате невольно соврём, когда нас спрашивают, врём мгновенно и думаем, что это правда, а потом отойдя в сторону, десять минут проходит, а оказывается, это вовсе и не правда, а наша ложь…

Сколько там слоёв правд. Правда для жены. Правда на работе для сотрудников, правда для отчётов. И это считалось нормой, вроде, как и нигде нету лжи. Он же всё время был отличником. Всё время был хорошим в глазах начальства, в глазах подчинённых, в глазах жены.

Началась самое главное — титаническая работа над собой — говорить всегда правду. Изо дня в день, из года в год — работа над изменением своего чувственного мира.

Методы эффективного управленца, которыми он пользовался на своей должности в Беларуси, подгоняя своих подчинённых, сидевших в офисах и работников, бегавших с ломиками по шпалам крепким словцом, здесь были не только не уместны, но и абсолютно неприемлемы. Он искал новые пути, учась бережно относиться к людям. Здесь он был равным среди равных. И лишь организаторские способности выделяли его среди остальных.

Часть третья

Кабина новенького трактора «Беларусь» искрилась на зимнем солнце, уже склонившемся к закату, отражая бирюзовыми бликами тёмно-зелёную хвою кедров и пихт, растущих в этой непроходимой тайге. Лесная дорога, по которой ехал трактор с прицепом, была единственной связующей нитью между последней деревней на трассе от райцентра и строящимся городом Солнца. Перевязанные на прицепе трактора доски подскакивали и громыхали на маленьких кочках. На поворотах по подтаявшему снегу прицеп соскальзывал с колеи. Со своими 81 лошадиными силами трактор еле-еле взбирался с гружённым прицепом на небольшие подъёмы, пробуксовывая огромными протекторами. Володя, водитель трактора, только недавно начал осваивать эту технику, подарок друзей Анатолия с Беларуси. Этот транспорт был в то время чуть ли не единственным, который доставлял грузы в город Солнца. Дорога для автомобильного транспорта в то время была только зимой, часть пути приходилось на зимник по болоту. Летом в обход болота вела в строящийся город только пеше-конная тропа, и возможность доставить

какой-либо груз была только вьюком, на лошади. Стоял февраль месяц, на улице мороза не было. Впереди трактора ехал уазик с пассажирами.

В салоне было оживлённо. Кто-то ехал к себе домой, кто-то в гости помочь в строительстве дома своим друзьям, кто-то помогать на общих стройках. В тёплой компании мужчин не смолкали разговоры, сопровождающиеся весёлыми шутками и смехом. Анатолий, беседуя с друзьями, периодически посматривал в окно уазика на ехавший позади трактор.

«Анекдот тут вспомнил советского времени» обратился он к друзьям. Зная чувство юмора Толи и умение великолепного рассказчика, с явным аканьем и не смягчающимся «р» перед мягкими гласными, выдавая его белорусский акцент, все стихли, предвкушая услышать смешную историю.

«Работает дворником в советской школе Петрович. На физиономию — ну вылитый Карл Маркс. Тут подходит к нему директор школы и говорит:

— Слушай, Петрович, ну как-то неудобно получается, ты б хоть бороду сбрил бы.

Дворник ему и отвечает:

— Сергей Николаевич, бороду-то я сбрею, а умище-то, умище куда девать?»

Салон заполнился дружным смехом.

А вот ещё один. Подхватил тему бородач с интеллигентной наружностью.

«Ну всё, теперь Саню не остановить», — сказал коренастый юноша, самый молодой в этой компании, указывая на бородача-любителя рассказывать анекдоты.

Саня, не обратив внимания на реплику, продолжал:

«Как-то один мужик откупорил бутылку, а оттуда джин вылетает и говорит:

— Мужик, ты меня освободил, проси у меня чего хочешь, я любое твоё желание исполню.

— Прям так и любое? — переспросил мужик.

— Ну да, — подтвердил джин.

— Слушай, ну вот всё у меня есть. Я богатый. У меня огромный коттедж, парк автомобилей, каждый сезон на Мальдивы. А вот, слушай, уж больно не люблю я в самолётах летать, плохо себя чувствую. Построй мне дорогу-автобан до Мальдив от самого дома.

— Слушай, мужик, — джин ему отвечает, — прикинь сколько цемента, сваи в океан и прочее. Может, что-нибудь всё-таки другое закажешь?

— А.… — мужик почесал затылок, — научи меня понимать женщин?

— Мужик, ну сколько тебе там на автобане полос делать…»

Салон уазика заполнился смехом. Продолжая хохотать, Толя повернул голову к окну, в которое он следил за трактором. Вдруг он резко замолчал, улыбка на его лице сменилась на волнующе-грозную гримасу. Трактора в окне не было видно. «Стой!» — крикнул он водителю и тут же оказался возле двери. Чуть ли не на ходу выпрыгнув из уазика, побежал в обратном направлении, все устремились за ним.

Трактор стоял за поворотом. Точнее, слово «стоял» не совсем подходило к его наклоненному положению относительно земли. До полного падения его сдерживала молодая поросль деревьев, на которую он опирался, прицеп сзади был перевёрнут, груда досок вывалилась в сугроб. Водитель растерянно стоял возле трактора.

Поднималась пурга, липкий снег хлестал по разгорячённым лицам мужчин, выскочившим из тёплого уазика. Все понимали, какой предстоит труд по исправлению этой аварии в глухой тайге, где мокрый снег скоро налипнет на доски и трактор, а ночью всё это замёрзнет и превратится в лёд, и помощь придёт только завтра в виде 66-го газона из деревни за 30 км и дюжины человек из «города». А сейчас уже темнело, и с одним уазиком вшестером при нарастающей пурге что-то выправить было невозможно.

Водитель трактора невнятно пытался что-то объяснить, Толя прервал его резким взмахом руки и «рыкнул» на него так, что у всех пробежался холодок по коже, ехавший священник схватился за сердце, водитель уазика — за голову. Все стояли молча, как заколдованные,

боясь вставить слово в искромётный монолог Анатолия. В нём проснулся грозный чиновник, отчитывающий своего подчинённого за нерадивость.

«Собрались здесь «Весёлые ребята»! Ни фига не соображают…«Всё-таки кое-как старался использовать нормативную лексику в этой ситуации Толя.

Друзья тогда ему ничего не сказали, принимая его таким, какой он есть, и понимая, что сразу человек не способен измениться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.